

Зарубежная

фантастика

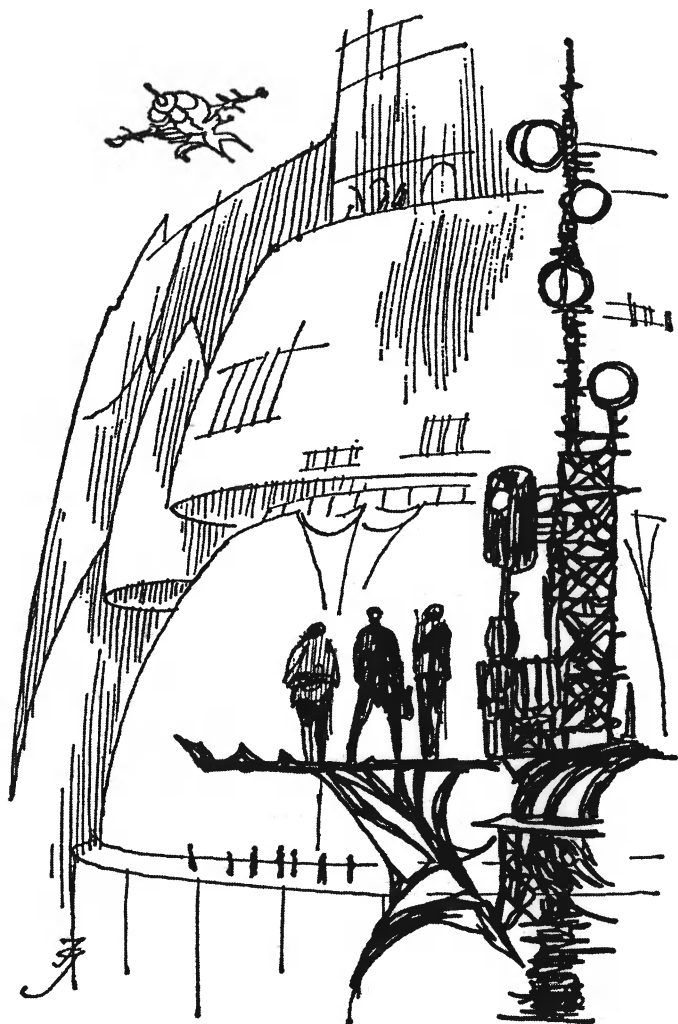
Майкл Коуни
P26/5/ПСИ И Я

Майкл Коуни
P26/5/ПСИ И Я
Сборник
фантастических рассказов

Издательство «Сталкер»

Зарубежная фантастика

Зарубежная

фантастика

Майкл Коуни

Р26/5/ПСИ И Я

Сборник фантастических рассказов

Перевод с английского

СТАЛКЕР

СОФИЯ 2008

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
К 739

Составитель *С. Ветрагон*
Обложка *Наталья Затуловская*
Фронтиспис *Jack Gaughan*

Коуни М.
К 739 Р26/5/ПСИ и я / Майкл Коуни. – София: Сталкер,
2008. – 360 с. – (Зарубежная фантастика).

Майкл Коуни – из тех писателей, кого Джеймс Ганн назвал «самыми недооцененными авторами НФ». Без книг этого автора (из которых лишь одна завоевала высшую премию, да и то британскую) немисливо представить себе развитие англоязычной фантастики в 1970-е годы.

Сборник включает шестнадцать рассказов, пять из которых публикуются на русском языке впервые.

Без объявл.

Фантастика – литература мечты

© состав, оформление, «Сталкер», 2008

СИМБИОНТ

Перевалив за гребень холма, Джо поднял голову и посмотрел вперед. Дальше путь пролегал по самому берегу врезавшегося в сушу небольшого залива. Черные тучи над горизонтом уже наполовину скрыли солнце. Серое неуютное море предвещало шторм. Становилось холодно и сыро. А идти еще долго: к ночи надо добраться до следующей деревни.

Джо устал, и чинто, сидевший у него на плечах, казался непомерно тяжелым. Тот обвил его шею тонкими ножками и крепко держался за голову, вцепившись в волосы длинными пальцами. Джо привык носить чинто. Сколько он себя помнил, они всегда были вместе. Хотя память у него не очень... Смутно он понимал, что чинто с ним уже давно, но вот что было раньше?.. Не вспоминается...

— Ту... — позвал он и показал рукой на него, пытаясь сообразить, как сказать, что уже темнеет, что он устал и что скоро будет шторм.

— Надо торопиться, Джо. Ты должен идти быстрее, — отозвался чинто мягким голосом.

Джо промолчал. Тяжело... Чинто тяжелый. Болят плечи... Он вспомнил девушку и почувствовал глухую тревогу. Это случилось вчера... Или позавчера... Ее мягкие черные волосы доставали почти до пояса. Из-за них даже не было видно ног ее чинто.

Она ему понравилась. И он ей, наверное, тоже. Но Ту отказался останавливаться. Джо хорошо это помнил. Пока они с девушкой держались за руки и смотрели друг на друга, Ту говорил с ее чинто. Потом сказал, что надо идти. И они опять пошли...

Тропа стала круче, спускаясь все ближе к морю между обветренными шершавыми скалами. Цепляясь за камни, Джо медленно двигался вниз.

— Осторожно! — Ты еще крепче сжал его шею слабыми ножками.

Джо и так знал, что надо идти осторожно. Ведь, если он вдруг упадет, чинто может удариться головой. А если Ту умрет, что тогда будет с Джо?

Неожиданно он замер и вцепился в обломок скалы, увязнув босыми ногами в мягкой глине.

— Что случилось, Джо? Почему ты остановился? — тут же спросил чинто у него над ухом.

Джо мотнул головой вперед, не решаясь оторвать руки от опоры. Страх почти лишил его дара речи, и он только прохрипел:

— Вон там...

В пяти шагах от них, прямо посередине узкой тропы лежала маленькая желто-зеленая змейка. Яркие, словно драгоценные камни, глаза ее горели опасностью. Змея шевельнулась, подняла плоскую голову, мелькнул раздвоенный язык. Каким-то звериным инстинктом Джо почувствовал, что она рассержена, потому что не может выбраться на сухую землю, и готова жалить, убивать...

Небо стало еще темнее. В скалах задышал, забормотал ветер. Первые тяжелые капли дождя упали на землю.

— Камень, Джо. Возьми камень. Кинь в змею. Убей ее. Тогда мы сможем пройти. Если ты убьешь ее, она не ужалит.

Страх подстегнул его. Джо скинул с себя оцепенение и наконец понял, что от него требуется. Он вытащил из глины камень и бросил. Промохнулся. Змея зашипела и, изгибаясь, поползла к нему.

— Еще раз, Джо! То же самое!

Теперь он подхватил большой обломок скалы, поднял его над головой так, что чинто испуганно отшатнулся, и изо всех сил швырнул на землю всего в шаге от себя. Торчащий из-под камня хвост змеи несколько раз слабо дернулся и затих.

— Мы можем идти. Торопись.

Все еще дрожа от возбуждения, Джо двинулся сквозь дождь вниз по холму.

Когда-то, много веков назад, когда чинто только привезли с одной из планет, они сразу стали популярны у людей. Шли годы, чинто стало больше, и постепенно они из символа достатка превратились просто во всеобщих любимцев. Потом возник обычай дарить чинто ребенку на четырнадцатилетие. Вскоре чинто появился у каждого. Хозяева сажали их на плечи, и чинто бывали везде, где бывали хозяева. Чинто прижились на Земле.

Но маленькие и ленивые чинто были разумными существами.

Человек больше и сильнее чинто. Ему доставляли удовольствие физические усилия. Ну а думать много не приходилось. Жизнь налажена, обо всем заботятся компьютеры. Думать — лишнее. И, кроме того, рядом всегда чинто, готовые объяснить, предложить, придумать, посоветовать. Просто носи его с собой, и он всегда поможет.

Чинто это тоже устраивало: зачем ходить, когда тебя несут? И совсем скоро, всего через несколько веков, их ножки атрофировались. Зато мозг значительно увеличился.

И удобство стало необходимостью. Человек почти отвык думать. Чинто едва могли передвигаться без посторонней помощи.

Может быть, так и должно случаться, когда эволюция переваливает через вершину? Когда машины берут на себя все заботы, и ни о чем не надо думать. Просто ли случайность, что люди нашли чинто? Что привело к чинто человека, когда он еще молодой и полный сил искал братьев среди звезд? Может, не сознавая того, он уже подбирал компаньона для старости, для того времени, когда останется на Земле со своими экранами, играми и роботами, которые обо всем позаботятся?

Может быть. И теперь человек, совсем непохожий на того, который летал к звездам, хоть на время обезопасил себе закат. Машины постепенно ломались, и никто их не чинил. Население со-

кратилось, и у каждого была своя работа, если он этого хотел. Чинто заботились, чтобы он хотел.

Человечество превратилось в незатейливую сельскую цивилизацию. Жаль только, что человек играл в ней роль деревенского дурачка...

Когда кончились скалы, тропа начала плутать через кустарник. Ветер крепчал, разнося по прибрежным холмам соленые брызги. Джо весь промок, одежда прилипала к телу.

— Налево, я думаю, — сказал чинто, когда они добрались до железных ворот. Джо отворил створку, они прошли за забор, и ветер с лязгом захлопнул за ними ворота. Идти по ровному, хотя и совсем растрескавшемуся асфальту, было гораздо легче.

— Стоять! — раздался резкий голос из придорожного навеса. В полутьме появилось блестящее квадратное лицо со стекающими по нему каплями дождя.

— Куда направляетесь? Имя? Документы? — существо протянуло вперед металлическую руку.

— Не беспокойся, Джо. Вперед! — чинто чуть передвинулся у него на плечах. — Это осталось от прошлого. Я думаю, не так уж много людей пользуются дорогой. Может быть, только такие же учетчики, как мы.

— Остановитесь! — робот выскочил на середину. — Повторю. Немедленно остановитесь! Ваши документы!

— Я... Мы... — Джо хотел что-то сказать, почувствовав смутную угрозу, но спокойствие Ту его обнадежило.

— Остановитесь, или я открою огонь!

— Не останавливайся, Джо.

Робот подошел к навесу, достал из гнезда в стене микрофон и стал докладывать монотонным голосом:

— Человек не выполнил приказа остановиться. Человек находится в запретной зоне. Я должен стрелять.

Провод от микрофона тянулся к верхушке столба у дороги и дальше опять падал на асфальт. Джо переступил через его истер-

тый конец и пошел вперед.

— Последнее предупреждение! Стреляю! — гремел позади металлический голос. Джо обернулся.

Робот держал в руках автоматическую винтовку. Его палец надавил на спуск, но выстрела не последовало: патронник был пуст уже долгие годы. Проржавевший спусковой крючок отломился и, жалобно звякнув, упал на мокрый асфальт.

Джо двинулся дальше. Робот остался стоять в нерешительности под дождем. Подобные напоминания о былой машинной зре встречались теперь довольно редко, и Джо чувствовал к Ту благодарность за то, что он знает, как надо вести себя в таких ситуациях.

Тропа опять свернула к морю, но теперь по обеим сторонам дороги высились деревья. Ветер обрывал с них мокрые листья и швырял в лицо. Джо сгорбился и втянул голову в плечи.

Ту прижался к нему, стараясь спрятаться за его низко опущенной головой.

— Вот туда, Джо, где дорога подходит к морю. Там должна быть деревня. Нас пустят переночевать. — Ту с трудом перекричал ветер.

— Хорошо, — ответил Джо.

Вдруг ему показалось, что впереди что-то движется, и он остановился настороженно. Из темноты, размахивая руками, вынырнул задыхающийся от бега человек. Лет пятидесяти, худой. И без чинто. От волнения он никак не мог сказать что-нибудь вразумительное и только молча открывал рот.

— Мы Джо-и-Ту, — по привычке представился Джо.

— Мы... — человек затравленно оглянулся вокруг. — Мы... — взгляд его блуждал, на лице появилось выражение боли и опустошенности. Он оцупал руками плечи, шею. — Мы...

— Твой чинто пропал, — подтвердил очевидное Джо.

— Да... да... Деревня... Шторм... Большие волны... Нам... Нужна помощь. Мы... — выражение его лица стало панически испуганным. Он бросился мимо Джо вверх по дороге и скрылся

в мокрой темноте.

«У нее были длинные черные волосы и зеленые глаза. Она подняла руку и откинула прядь волос за спину...»

— Джо! О чем ты думаешь? Надо быстрее добраться до деревни. Ты так и будешь стоять под дождем?

— Хорошо. — Джо двинулся по дороге, все еще удивляясь четкости видения. Как будто она была здесь, совсем рядом.

В деревне царил полная неразбериха. Люди метались из стороны в сторону, чинто наставляли и приказывали. Испуганные крики людей и писк чинто перекрывали порой даже рев разбивающихся о берег волн и завывание ветра.

— Иди сюда. Нам нужна помощь. — Рядом с Джо появился мужчина. Его чинто отпустил голову хозяина и показал рукой в сторону берега. — Там нужны люди.

Вдоль побережья под высокой черной скалой растянулась цепочка людей. Чинто стояли большой группой на каменистом возвышении посреди обломков и руководили работой, передавая инструкции высокому мужчине с сильным голосом.

Джо осторожно снял Ту и поставил на камень рядом с другими чинто. Затем встал в цепочку. Камень, на котором стояли чинто, чем-то задержал его взгляд, и через несколько секунд он понял, что это обломок разрушенного дома. Под ногами хлюпала вода. Слева передали кресло. Джо автоматически отдал его стоящему справа. Затем кипу мокрого плещущегося на ветру постельного белья.

Один, без Ту, посреди таких же растерянных, как он, людей Джо постепенно почувствовал какое-то странное ощущение беспокойства. Впрочем, скорее это было не беспокойство, а любопытство. Что происходит? Почему они передают куда-то вещи? Зачем?

Он незаметно вышел из цепочки и, повинуясь охватившему его чувству, побрел по берегу, скользя по мокрой гальке. Так он добрался до хорошо освещенного места, где люди под руководством чинто растаскивали бревна, доставали уцелевшую мебель

и домашнюю утварь из-под обломков дома и передавали все это первому стоящему в цепи.

Разрушенный дом... Здесь упал обломок скалы, похоронив под собой несколько зданий. Раскатившиеся каменные глыбы и бревна валялись по всему берегу. Джо стало интересно, что с домами, расположенными за скалой. Бездумно он подобрал фонарь и пошел в ту сторону, неловко пробираясь через обломки камней. Перебравшись на противоположную сторону завала, он задумался и сел. Где-то над головой раздавались голоса чинто: «Группа крови... Коэффициент умственных способностей... Генотип...» Едва понятные для Джо слова. Он и не старался понять.

Когда он вернулся, шум волн стал еще громче. Дождь и соленые брызги жалили неумолимо. Но чего-то в шуме прибоя недовставало. Джо потряс головой. Не слышно голосов... Как долго он сидел под дождем?

Джо добрался до разрушенного дома. Ни людей, ни чинто... Лишь обломки мебели и обрывки тряпок валялись на мокрой земле. Джо испугался и закричал:

— Ту! Ту-у-у!

Ту никогда не бросит его. Ту ждет где-то на берегу. На том большом камне вместе с остальными чинто. Сейчас Джо его найдет, посадит на плечи, и они пойдут к следующей деревне. Как всегда, вместе.

Всхлипывая, он бежал по берегу. Где же тот камень?.. Вот здесь... О, господи! Только не это...

Прямо перед ним, уходя в черноту неба, возвышалась целая гора камня, щебенки, кусков дерна. Джо поднял фонарь над головой, но слабый свет не позволял разглядеть вершину. Подточенная волнами скала наконец не выдержала и рухнула, раскатившись лавиной до самой воды. Джо выронил фонарь и, ничего не соображая, бросился на груды камней, разбрасывая в иступлении обломки, крича от боли и одиночества:

— Ту-у-у! Ту-у-у!

Болезненно яркий дневной свет медленно вытаскивал его из забвения. Холод сковал тело, и Джо с трудом пошевелился, огляделся вокруг и поднялся на ноги. Он дрожал, руки нестерпимо боляли. Прямо перед ним возвышалась огромная грудa камня. Внезапно он вспомнил, и с памятью вернулось чувство одиночества и непереносимой утраты.

Где-то там под обломками лежал Ту, который был его компаньоном и поводырем многие годы, без которого он останется совсем один. Джо долго стоял, не в силах двинуться с места.

Медленно он побрел по берегу. Что-то Ту говорил о таком случае? Что-то он говорил своим мягким голосом много раз, наклоняясь к самому уху Джо?

«Если что-нибудь со мной случится, Джо, если вдруг я умру или ты останешься один из-за какого-нибудь непредвиденного случая... Джо, тебе нужно будет обратиться в ближайший Центр. Там тебе помогут».

Джо сердился, когда Ту говорил так. Не хотелось даже думать об этом. Но слова осели в памяти.

Он стал подниматься по тропе в гору, чувствуя какую-то непривычную легкость: не было обычного груза на плечах.

«Обратиться в ближайший Центр...»

Где может быть ближайший Центр?

Ведь они с Ту заходили в Центр много раз, бывая в прибрежных деревнях. Значит, надо идти обратно. Так, чтобы море оставалось справа.

Когда-то Ту говорил: «Ты не должен относиться ко мне плохо, Джо. Не думай, что я обуза и тебе будет лучше без меня. Я признаю, что не могу без тебя передвигаться, потому что мои ноги почти не ходят. Зато я могу думать, Джо, а значит, я тебе нужен. Люди уже не могут думать так ясно, как раньше».

Позже, когда солнце поднялось высоко и стало жарко, Джо уже просто шел, ни о чем не думая. Он не сразу обратил внимание, что кто-то кричит. Высокий, отчаянный голос. Джо пошел быстрее.

Перевалив через вершину холма, он остановился в нерешительности. В низине копошилась группа людей. Просто людей, без чинто. Они бестолково суетились, толкались. Джо подбежал и тронул ближайшего мужчину за плечо. Тот обернулся.

— Что?.. — спросил Джо, показывая рукой на толпу. Мужчина непонимающе смотрел на него.

— Что там происходит? — переспросил Джо, сделав сознательную попытку пояснить, что его интересует.

— Ты... Тоже один... — пробормотал мужчина. — Там... Скала упала... Было темно... Все наши чинто...

— А что происходит здесь?

Мужчина вдруг улыбнулся, и паническое выражение в его глазах уступило место надежде, когда он с благоговением произнес одно единственное слово: «чинто».

Толпа расступилась. Слегка помятого чинто подняли над головами и посадили на плечи самому высокому мужчине. Люди быстро двинулись прочь. Чинто, вращая глазами, с тревогой оглядывался назад и пищал жалобно и тонко: «Ширли! Ширли-и-и!» Джо посмотрел им вслед, потом склонился над девушкой, лежащей без движения на жесткой траве.

Сердце его стучало, он чувствовал какую-то слабость внутри и нерешительность. Девушка лежала перед ним маленькая, беспомощная, в разорванной рубашке... Самая прекрасная девушка, которую Джо когда-либо видел.

Она открыла глаза, но еще не заметила его. Взгляд, обращенный в себя, лицо, искаженное болью... Она застонала тихо, и Джо, неумело пытаясь произнести что-то успокаивающее, положил руку ей на талию. Должно быть, она почувствовала прикосновение. Глаза ее прояснились и остановились на нем, отражая удивление и узнавание сразу. Девушка попыталась встать.

— Не шевелись, — произнес Джо. — Полежи немного. Что случилось?

Она начала рассказывать, и Джо вдруг показалось, что он опять с Ту, так ясно и отчетливо он все понимал. По сравнению с

невразумительными репликами, которые обычно издают люди, речь ее казалась особенно плавной и внятной.

— Они отобрали у меня чинто. Ее звали Эль, и мы очень хорошо ладили друг с другом. Когда мы поднимались на холм, они встретились нам целой толпой. Они хотели, чтобы мы отвели их в город, но Эль сказала, что мы не можем, так как у нас важное дело. Они были сильно напуганы, и все смотрели на чинто и не уходили. А потом один из них вдруг схватил чинто, и они накинулись на нас все сразу.

— Очень жаль... — пробормотал Джо. Ему хотелось сказать что-нибудь вроде «Все в порядке» или «Не беспокойся, я позабочусь о тебе». Но как-то это казалось неправильным, потому что он понимал, что девушка не такая, как другие люди. Она умная, она хорошо говорит. Она даже может обойтись без чинто.

— Что мы будем делать? — спросил он вместо этого жалобно. Она поднялась с легким стоном, но все равно грациозно.

Почему-то она выглядела без чинто совершенно естественно. Джо почувствовал себя неловко и даже как-то стыдился, что он без чинто, она же стояла так, как будто даже привыкла быть одна.

— Дальше по этой дороге есть заброшенный дом, — сказала она, поразив Джо отличной памятью. — Пойдем туда. Разведем огонь и останемся на ночь. Уже поздно идти куда-нибудь еще.

— Хорошо, — согласился Джо.

Они пошли неторопливо, и Джо с удивлением обнаружил в своей руке ее маленькую ладошку.

— Куда вы шли? — спросил Джо.

Она смешалась, и на секунду, казалось, привычное самообладание покинуло ее. Затем повернула к нему лицо.

— Ты... помнишь меня, Джо? Помнишь, мы встречались раньше?

— Я помню, Ширли.

Она улыбнулась и взяла его за руку.

— Хорошо. Я думала... Люди забывают так быстро. Я думала,

что делаю глупости.

— Почему?

— Потому что мы тебя искали, Джо. Эль и я хотели тебя найти.

— Искали нас? — переспросил Джо непонимающе.

— Нет. Не тебя и Ту. Нам нужен был только ты.

— Я?

— Да. Слушай внимательно, Джо. Я тебе все расскажу. Чинто всегда обо мне хорошо заботились. Очень хорошо. У меня их было несколько, и они время от времени менялись. Эль была последней, но они все меня учили разным вещам, заставляли делать все самой. Они говорили, что я сообразительней, чем большинство людей. Мой коэффициент 118.

Джо кивнул. Ту когда-то упоминал его, Джо, коэффициент. С гордостью он сообщал всем, что у Джо — 86. Должно быть, 118 означает, что Ширли очень умная.

— Они говорили, — продолжала Ширли, — что я — надежда человечества. Они чувствовали себя виноватыми из-за того, что люди разучились думать. В тот день, когда мы в первый раз встретились — это было позавчера, ты помнишь? — я сказала: «Эль, он мне нравится». Потом мы вернулись домой, Эль достала таблицы и вдруг начала быстро-быстро трещать — ну знаешь, как они говорят, когда волнуются? Она сказала про какие-то генетические коды, и что мы подходим друг другу. А потом добавила, что мы должны тебя найти. Я даже не поверила. Мы сразу же и отправились, Эль только письмо в Центр написала. Представляешь? Про нас письмо!

— Что мы будем делать завтра? — спросил Джо, осознав вдруг, что уже несколько часов он даже не вспоминал про Ту.

Ширли печально улыбнулась. Джо не понял. До него дошло, что они могут быть вместе какое-то время, и все. Он не понял, что у них может появиться ребенок, у которого есть шанс стать началом нового витка цивилизации, где человек будет играть такую же важную роль, как раньше. И, может быть, сейчас нет

смысла объяснять. Он даже ее не слушает, просто смотрит преданными, обожающими глазами, не представляя ее иначе, как временную подругу, очевидно, даже не понимая, что такое постоянство.

Но, как ни странно, она тоже успела его полюбить.

— Что мы будем делать завтра? — снова спросил Джо. Далеко в будущее он заглянуть не может, но, по крайней мере, он думает о завтрашнем дне. Может быть, ей удастся удержать его какое-то время, неделю, две... Пока их не найдут. Отсюда больше пяти миль до ближайшей деревни.

— Завтра? — она улыбнулась и поцеловала его в щеку. — Завтра я поведу тебя ловить рыбу.

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Утро прошло как в тумане: вокруг лишь море пьяных лиц, в котором я дрейфовал вплоть до самого закрытия. Дел было не впроворот. Обычно, когда бар переполнен, время бежит быстро, но сегодня утром оно еле тянулось. И это еще мягко сказано. Помню добродушные шуточки по поводу моей рассеянности, когда вместо заказанного пива я приносил скотч и глупо таращил глаза, силясь понять, чего же от меня хотят.

Ровно в три часа пополудни пришло время закрывать бар. Посетители неохотно побрели к выходу. Выпроводив последнего, я запер дверь и стал ходить кругами по пустому залу. Задерживался у столиков, брал бокалы и задумчиво ставил их обратно. Потом наполнил раковину водой, сложил туда часть грязной посуды и даже слегка прошелся по ней щеткой.

Наконец я не выдержал. Бросив бокалы отмокать, вышел за дверь, словно гонимый каким-то предчувствием. Перейдя дорогу, зашагал к обрыву по короткой жесткой траве. У самого края обернулся и посмотрел назад.

Далеко-далеко, там, где заканчивались поля, от земли поднималось облако пыли. Очень медленно оно двигалось в мою сторону.

Внезапно нахлынули воспоминания, вернув меня в прошлое, на три года назад, в тот жаркий летний день...

Я стоял на пороге гостиницы и лениво наблюдал, как полуденное солнце играет на безмятежной поверхности моря. Линия горизонта растворялась в синеве, там, где вода сливалась с

небом.

Во влажной духоте висело знойное марево. Пару минут я борлся с искушением спуститься вниз к деревушке на берегу моря и быстренько окунуться. В уютной бухточке маняще плескались волны. Отсюда, с высоты, вода казалась кристально чистой. Жемчужно-серая галька на дне вблизи утеса скрывалась в изумрудной зелени. Бар открывался ровно в пять, так что времени было много, но я помнил о гостях и деньгах, которые те заплатят.

В письме говорилось, что гости появятся ближе к обеду. Держать их на пороге совсем не хотелось. Они будут терзать дверной транслятор, тщетно пытаясь попасть в пустую гостиницу, а я — бегом карабкаться на утес, прижимая к груди мокрые плавки и полотенце. Ничего хорошего.

Естественно, в такую жару люди приедут уставшие, измученные, сразу потребуют ванну и напитки. Честно говоря, заведение у меня скромное, на экстра-класс не претендует. Гостевых спален только три, но я стараюсь принимать постояльцев как можно радужнее. В конце концов, от этого зависит мой заработок.

Вместо купания я прогулялся до берегового обрыва метрах в двухстах от гостиницы. Стоя на краю в легкой рубашке и шортах, я отчаянно мечтал о ветерке. Море блестело и переливалось на солнце. Над Птичьим утесом парили чайки.

Восхождение на утес было излюбленным местным развлечением. Смешивая напитки за барной стойкой, я частенько смотрел в окно на скалолазов-любителей. Лично мне одной попытки покорить вершину хватило с лихвой.

Со скального обрыва, где я стоял, до моря спускаться — метров восемьдесят, но чуть ниже начинался отлогий выступ из крошащегося сланца, словно мост, соединяющий скалу с утесом. Сам утес, тоже из сланца, возвышался над скалой еще на добрый десяток метров. Он рос прямо из моря и по форме напоминал уродливую, в набухших старческих венах руку тонущего гиганта.

Побывавшие наверху рассказывали потом, как было сложно

находить уступы на практически гладкой стене, да и те, что попадались, сразу крошились от прикосновения.

Однако любителей острых ощущений подобные мелочи не останавливали. Сначала они сползали с обрыва на хрупкий мост и брели над водной пропастью. Если день выдавался ветреный, то море добавляло пейзажу зловещего колорита. Внизу жадно пенились волны, точно пасть голодного зверя, захлебывающегося слюной. Добравшись до утеса, очередной смельчак с перекошенным от страха лицом начинал карабкаться вверх. С каждым годом мост осыпался все больше и больше, а ноябрьские шторма размывали основание самого утеса. Когда-нибудь он обрушится окончательно. Не удивлюсь, если на моем веку. Тогда мне больше не придется любоваться, как эти идиоты радостно машут своим приятелям в баре, утопая по щиколотку в птичьем помете. Я скорбно вздохнул, думая о грядущей утрате главной местной достопримечательности.

Обернувшись, я увидел облако пыли, клубившееся меж полей над извилистой проселочной дорогой. А вот и гости! Никто из местных в такое время из города не возвращается. Нацепив на лицо самую подходящую улыбку из своего арсенала, я поспешил назад, к гостинице.

Очутившись внутри, я плотно прикрыл дверь и затаился. Схема, отработанная годами. Проникнуть в суть характера визитеров можно, только застав их врасплох. Стоит им тебя заметить — все пропало, тут же ставится блок.

Выждав немного, я попытался прощупать их, крайне осторожно, чтобы не привлечь внимания.

Так. Мешанина из колких реплик, раздражение, ощущение духоты и дискомфорта. Группа людей, связанных видимостью дружбы, которая на такой жаре истаяла без остатка, словно глазурь с торта.

Да, непростая предстоит неделька, но мне не привыкать... Улыбаясь во все тридцать два зуба, я распахнул дверь. Излучая

дружелюбие и гостеприимность, смело шагнул под палящий зной.

Перед гостиницей затормозил сверкающий спортивный автомобиль с дверцами типа «крыло чайки». Он переливался на солнце, напоминая величественного кита, которого выбросило на берег. «Крыло чайки» изящно скользнуло вверх, и наружу выбралась высокая женщина, чей облик мог смело соперничать с роскошью авто.

Ее приветствие словно ножом резануло по моему обостренному восприятию.

— Гера Суинчик. — Гостья надменно взглянула на меня, без стеснения обнажая нелестные мысли. Я представлялся ей аборигеном, одетым в спецовку с надписью «ХХХ», лицо которого скрывала большая соломенная шляпа. Картинку дополняли высокие ботинки со шнуровкой, в которые я был обут. Угадывалась старая рекламная «фишка» в духе двадцатого века.

Говоря проще, Гера Суинчик мне откровенно не понравилась, но скрывать подлинные чувства — неотъемлемая часть моей профессии. Иначе в моем бизнесе нельзя.

— Джек Гарнер, — вежливо отозвался я.

Одно за другим стали подниматься остальные «крылья». Теперь автомобиль походил на освежеванную тушу, над которой славно потрудились китобои. С переднего пассажирского сиденья поднялся полный лысеющий мужчина. Управляла машиной, само собой, Гера.

— Мой супруг, мистер Суинчик, — бросила она, не давая бедняге шанса что-то вставить. Мощная энергетика дамы подавляла еще в зачатке любые попытки сопротивления «супруга». «Суинчик-свинчик», — ухмыльнулась Гера про себя.

Мысленные смешки остальных пассажиров стали ещё язвительнее. К образу деревенщины прибавился образ борова.

Но все же один голос выбивался из насмешливого хора. С заднего сиденья, одернув короткую юбку, на дорогу ступила девушка. Довольно высокая, стройная. Едкие карикатуры, которыми пе-

ребрасывались спутники, ее нисколько не забавляли.

— Меня зовут Мэнди, приятно познакомиться.

Искренняя улыбка. Дружелюбие, непонятное сочувствие и еще что-то неуловимое, спрятанное за прямым открытым взглядом. Обернувшись, девушка принялась осматривать окрестности. Мне удалось принять лишь образ Птичьего утеса. На вид ей было лет шестнадцать или даже еще меньше.

— Моя дочь, — сухо проинформировала Гера.

Плохо скрытая неприязнь, возможно, ревность.

— Джим Блантайр, — представился холеный брюнет. Выскочив из салона, он с нарочитой любезностью помогал выбираться бесцветной, замкнутой женщине («Моя жена Джойс»), которая была полной противоположностью властной Гере.

Я тут же понял, что Джима с Герой связывало нечто куда более интимное, чем дружба, а их вторые половины безропотно терпели, боясь вмешиваться. После десяти лет работы в гостинице начинаешь видеть людей насквозь, невзирая на любые блоки.

Когда с приветствиями было покончено, мне пришлось выдержать групповой натиск: четверо гостей одновременно представили себя лежащими в прохладной ванне с коктейлем в руке. Пятая, Мэнди, либо поставила очень сильный блок, либо ее заглушали мысли остальных.

Ванная в гостинице была всего одна, а коктейли я смешивал не слишком ловко, но сообщать об этом не спешил. Сами узнают, когда придет время.

— Добро пожаловать. Сейчас покажу комнаты.

Уже через минуту гости столпились у барной стойки, вызывая образы напитков. Я проигнорировал красноречивые намеки, полностью сосредоточившись на деле.

— Вначале займемся вашим размещением, потом отдохнем с коктейлями, — любезно и как можно убедительней внушал я. Гости согласились, хотя и неохотно. Я проводил их по лестнице наверх, где располагались номера — два двухместных и одномест-

ный. Потом спустился за чемоданами.

Чемоданов было так много, что в каждом двухместном номере пришлось изрядно потрудиться, чтобы пристроить их по вкусу хозяев. «Поставьте сюда», «Нет, нет, любезнейший, прямо на кровать. Нет, не на ту кровать, а на эту, которая ближе к комоду», — ну и все в таком же духе.

— Да ставьте, где хотите. — Это уже одноместный номер, Мэнди и последний чемодан.

— Никогда не беру много вещей. И голова не болит, и не надо думать, какое платье надеть. Зато у мамы с этим вечно проблема, в смысле выбора наряда. Помню, как-то раз мы просто сидели и болтали с дядей Джимом...

В упоминании о дяде Джиме я уловил едва заметное отвращение.

— Так вот, всю дорогу она только и думала, правильное ли платье надела. В уме перемеряла весь гардероб! Я для себя решила: не хочу быть такой, как она.

Мэнди улыбнулась. Надо признать, собой она владела превосходно.

Общаться с ней было одно удовольствие. Передаваемые образы получались яркими и четкими, логическая цепочка поражала последовательностью.

А еще Мэнди была хорошенькой: модная короткая стрижка, на овальном личике сияют огромные карие глаза. Красиво очерченный рот и едва заметные ямочки на щеках. Расслабившись, я уже начал представлять, каково попробовать на вкус ее губы, но вовремя спохватился. Староват я для таких вещей, да и она совсем еще ребенок.

— А сколько тебе лет? — поинтересовался я.

Она усмехнулась и выдала ряд чисел, нарисованных на старинный лад. Двадцать один, двадцать, девятнадцать, восемнадцать, семнадцать... После каждого числа следовала долгая пауза. Мэнди ожидала моей реакции: поверю или нет. Наконец я сжался, и цифра семнадцать, задрожав, исчезла. Нового варианта

не появилось.

— Значит, семнадцать, — повторил я, втайне продолжив ряд. — Ладно, я, пожалуй, пойду займусь напитками.

— Отлично, спущусь через минуту, — ответила Мэнди новой картинкой самой себя, идущей по лестнице в коротких черных шортиках и белой рубашке. Мне показалось, что она ищет моего одобрения. Я улыбнулся и молча вышел.

После коктейлей у гостей заметно поднялось настроение. Расположившись за стойкой, они расспрашивали о здешней жизни и крайне удивились, услышав, что я не отлучался из гостиницы целых десять лет.

— А разве вам тут не скучно зимой?

Вопрос Геры был выткан на заснеженном пейзаже. Вокруг — монотонная белизна, дверь гостиницы замело, на дороге в деревню ни единого человеческого следа.

Я улыбнулся и показал ей зимние вечера в баре. Клиенты толпятся у стойки, в камине жарко пылает огонь, языки пламени отражаются в окнах.

— Все равно тоска смертная. Здесь же ровным счетом ничего не происходит! — Гера послала следующий образ: праздничная вечеринка, лопаются яркие воздушные шары, снаружи — шумная улица и тучи самолетов в небе.

Я попытался объяснить, почему не люблю большие города, — грязный воздух, бесконечные толпы народу, сумасшедший ритм жизни. Мне несказанно повезло: после двадцати лет в городе я жил тихой, размеренной жизнью на лоне природы.

О подлинной причине своего затворничества я благоразумно умолчал. Кому охота прослыть белой вороной?

Пока мы обменивались мыслями, Мэнди успела принять ванну, переодеться и теперь собиралась спуститься в бар.

Поразительно, как я чувствовал ее на таком расстоянии! Тем временем мысли остальных обратились к вчерашней вечеринке. У мистера Суинчика воспоминания ассоциировались с ощущением сильной тошноты. «Алкоголь не пошел, — оправдывался

он. — Либо подделка, либо что-то подмешали». Джим ехидно ухмылялся, показывая Суинчика-Свинчика валяющимся на полу в окружении беззаботных танцоров.

На вершине лестницы появилась Мэнди, разумеется, в черных шортах и белой рубашке. Наряд шел ей необыкновенно, привлекая всеобщее внимание к длинным стройным ногам. Помедлив для большего эффекта, она начала спускаться. Гера непроизвольно одернула подол платья, чтобы скрыть уже слегка расплывшиеся бедра.

— Почему так долго? Вообще-то мы все хотим искупаться. Надо иногда думать и о других, юная леди!

Проигнорировав колкий выпад, Мэнди подала идею пойти прогуляться и вдруг лукаво подмигнула мне, показав расплывчатый образ Птичьего утеса и моря. Потом перевела взгляд на Джима — море тут же забурлило, а утес опасно накренился.

Поздно вечером, когда местные разбрелись по домам, мы устроились в опустевшем баре, лениво болтая о пустяках, пока Гера и особенно Джим активно опустошали мои запасы спиртного, компенсируя иссушающую во всех смыслах поездку.

Я кое-что узнал о новых постояльцах. Суинчик и Джим оказались партнерами по бизнесу, но в чем именно заключался бизнес, я не понял. Похоже, это было одно из тех сомнительных предприятий, которые создаются из расчета на быструю прибыль.

Гера и Свинчик поженились пять лет назад, и для обоих это был уже второй брак. Мэнди родилась от первого мужа Геры. Пока миссис Суинчик вводила меня в курс семейных дел, я, к своему удивлению, ощутил между Мэнди и отчимом сильную связь, основанную на взаимной симпатии и уважении.

Джойс была значительно старше мужа. Они тоже были женами лет пять, но детей в браке не нажили, что весьма расстраивало миссис Блантайр. Я уловил слабый, запрятанный глубоко в недра сознания образ: Джойс развешивает на веревке целый ворох ползунков и пеленок.

Джим совершенно точно детей не хотел, зато со всей очевид-

ностью хотел Геру, скрывая это лишь формально. Как я понял, на Джойс он женился ради денег, о чем, правда, успел пожалеть, но уйти не мог... Видимо, большая часть акций фирмы принадлежала супруге.

Сознание Мэнди защищал надежный блок. Девушка расположилась чуть поодаль, не принимая участия в общей беседе, время от времени хмурилась неясным, скоротечным мыслям, уловить которые мне не удалось. После ужина, когда все принялись запивать еду коктейлями, она в полном одиночестве отправилась на прогулку и долго не возвращалась. Сейчас Мэнди прихлебывала минералку, большую часть времени глядя в стакан и лишь изредка поглядывая на присутствующих.

— Мэнди, пора спать, — распорядилась Гера, ловя взгляд дочери, но та не ответила, задумчиво глядя сквозь мать. — Несносная девчонка! Весь день ведешь себя черт знает как, болтаешься где-то. Давай уже, выпей и повеселись хоть немного!

С тем же загадочным выражением Мэнди посмотрела на отца.

С каждым днем влажность воздуха возрастала, а настроение гостей портилось. Все изнемогали от жары и действовали друг другу на нервы. Даже предполагаемая интрижка между Герой и Джимом заметно потеряла остроту.

На четвертый день постояльцы лишь могли обессиленно валяться на надувных матрасах, а я сновал от стойки на лужайку с полным подносом напитков, потребность в которых не ослабевала ни на минуту. Свое раздражение я сдерживал, подсчитывая в уме копившуюся сумму счета. Едва ли такая мысль приходила в голову моим клиентам, но я тщательно скрывал корыстные мотивы, боясь, что они поймут, насколько мне на руку ситуация с погодой, и из вредности переключатся на воду со льдом.

Мэнди на лужайке не было. Сразу после обеда она вновь испарилась в неизвестном направлении. Надо признать, мне ее не хватало. Пускай мы виделись довольно редко, зато общаться с

ней было легко и приятно, и даже остальная компания уже не казалась такой уж несносной. Но и Мэнди не избежала влияния жары: в последние два дня заметно сникла, все надежнее скрывая свои мысли. Если поначалу я воспринимал ее как открытую и искреннюю девочку, то теперь мое мнение начало меняться. Мэнди была настоящей загадкой.

Я подал Гере не помню какой по счету напиток, а в ответ получил изображение неба.

— Похоже, будет гроза, — облегченно и с каким-то странным возбуждением заметила она, — наконец-то вздохнем свободней.

Свинчик выглядел сегодня особенно жалко. Дряблая белесая кожа приобрела огненно-красный оттенок, обещая мучительную боль от солнечного ожога. Бог знает, зачем человек вообще раздевался! Вряд ли ему удалось бы пробудить страсть в супруге своими тучными телесами, милосердно прикрытыми плавками в крупный цветочек.

Смуглый от природы Джим обгореть не боялся. Сейчас он лежал, с легкой ухмылкой глядя на грозовые тучи, наползающие со стороны горизонта. Что-то очень интимное промелькнуло между ним и Герой, но так быстро, что я распознать не успел.

На лужайке появилась запыхавшаяся Мэнди. Свернула с дороги и прямо по траве направилась к нам. Легкая белая рубашка соблазнительно липла к телу, подчеркивая контуры юной груди. Девушка перехватила мой взгляд, и ее огромные карие глаза на миг вспыхнули осознанием своей женственности. Затем она обернулась к любителям горячительных напитков.

— Свинчик! — Волнение и непритворная забота плюс красноречивая картинка: полусваренный омар шевелит клешнями в предсмертной агонии. — Немедленно оденься, сгорьшь!

Толстяк послушно поднялся и побрел к гостинице в сопровождении падчерицы, которая не скупилась на садистские образы липкого лосьона и обжигающих прикосновений холодных рук.

Троица на лужайке потребовала очередную порцию напитков. Джойс выпрямилась, сидя в своем шезлонге между Герой и Жи-

мом. Ее мышинного цвета волосы взмокли от пота, задумчивый встревоженный взгляд был прикован к грозовым тучам.

Гроза разразилась во время ужина. Гости уже управились с салатом, отказавшись в один голос от горячих блюд, и теперь ждали десерта — мороженого. Я убирал со стола грязные тарелки, когда ранние сумерки за окном прорезала вспышка молнии. В ту же секунду хлынул ливень. Мощные струи забарабанили по стеклу.

Общение, и без того все более трудное, в наэлектризованном воздухе сделалось совершенно невозможным. Мне пришлось поближе наклониться к Мэнди, чтобы принять заказ.

— Мне, пожалуйста, шоколадное мороженое, — попросила она и добавила: — А еще вы душка.

Я вздрогнул и смущенно оглянулся, угнетаемый непонятным чувством вины. К счастью, никто ничего не заметил. Из-за бушевавшей грозы уловить ничего нельзя было даже с другой стороны стола. Гера и Джим обменялись взглядами, после чего Гера в непонятном волнении облизнула губы.

Постепенно все попытки общаться сошли на нет, и остаток ужина мы провели в полном молчании. Не припомню — ни до, ни после — такой грозы, чтобы совершенно терялся контакт с окружающим миром. Правда, двое из гостей откровенно наслаждались ситуацией, судя по таинственной улыбке Геры и сладострастному блеску в глазах Джима.

Ужин закончился. Кофейная чашка Мэнди, дрогнув в руке, в последний раз звякнула о блюдце. Гера и Джим, словно с нетерпением ждавшие этого момента, одновременно поднялись и спешно направились к выходу. За ними последовали Свинчик, Джойс и, наконец, Мэнди.

Я собрал чашки и отнес на кухню, чтобы помыть их завтра с утра. Удивительно, но вся компания расположилась у стойки бара. Если честно, я надеялся, что дождь не помешает им провести вечер в городе. При моем появлении Гера соскользнула с табурета и подошла вплотную.

— Пожалуйста, скотч, двойной. — Ей пришлось приложить усилия, чтобы дотянуться до моего сознания. — Четыре порции. И еще лимонад.

Я попытался установить контакт с остальными, сидевшими всего в нескольких шагах от меня, но... Ощущение было таким же, как зимой, когда с моря наползает туман. Ты всматриваешься в окно туда, где Птичий утес возвышается над обрывом, и не можешь понять: то ли действительно видишь его смутные очертания, то ли воображение дорисовывает знакомую картинку. И видимость кажется обманчивой: то ли пятьдесят метров, то ли пять.

За окнами вспыхивали молнии, воздух наэлектризовался до предела. В тот вечер я не мог отличить яркие, четкие образы, возникающие в мозгу Мэнди, от серых и невнятных, словно тени, мыслей Джойс. Трудно было понять, есть ли что-то вообще, помимо почти болезненного излучения молний и гнетущего потрескивания электрического фона.

Гера смотрела на буйство стихии за окном. Судя по всему, ночью будет настоящее светопреставление, но уже сейчас, в лучах заходящего солнца, обрыв тонул в тумане, а Птичий утес лишь слабо вырисовывался за плотной пеленой дождя.

— Прошу прощения? — Плохо уловив реплику Геры, я склонился чуть ниже.

— Скучно, когда нельзя пообщаться. И на улицу не выйдешь.

Эта особа словно обвиняла меня в плохой погоде. Да еще и поглядывала выжидающе, как на свадебного тамаду, который, вместо того чтобы развлекать дорогих гостей всякими играми, лениво поплевывает в потолок.

Она кивнула на музыкальный транслятор за стойкой. Я покорно покрутил ручку, хотя обычно не включаю музыку в рабочие часы: слишком мешает общению. Но клиент имеет право на все, особенно если это женщина...

Я добавил громкости, и в голове зазвучала мелодичная композиция в исполнении большого эстрадного оркестра. Мощности трансляции хватило, чтобы перекрыть электрическую бурю. Пус-

кай звучит музыка! В принципе, люблю танцевальные ритмы: так веселее убираться в баре. Музыкальный центр имел лазерную приставку. Кстати, очень дорогая модель. Я щелкнул кнопкой, и по комнате заплясали разноцветные, пульсирующие огоньки. Раз, два, три, — мигали они в такт музыке. — Раз, два, три. Красный, голубой, белый — красный, голубой, белый — бар тут же приобрел праздничный вид!

Гости заметно ожили. Гера забарабанила пальцами по стойке, отбивая ритм. Если музыкальную трансляцию временами и перебивала гроза, то светомузыка работала без накладок.

— Потанцуем? — Гера слезла с табурета и подошла к Джиму, протягивая обе руки. Тот встал, подхватил женщину за талию, и они заскользили в вальсе.

Свинчик с тоской взирал на них со своего места. Похоже, себя он не считал достойным партнером в танцах. Да и длинные ногти Геры были сейчас, мягко говоря, опасны для его обожженной солнцем спины. Правда, пару раз он глянул на Джойс, потом на Мэнди, явно прикидывая, стоит ли кого-нибудь из них пригласить на танец, но здравый смысл взял верх, и толстяк, вздохнув, опять усталился на танцующих.

— Джек, можно вас пригласить? — Мэнди решительно откинула панель, выпуская меня из-за стойки. Близко, но целомудренно придвинулась ко мне, и мы закружились в танце. Двигалась она легко и изящно, источая прохладу и умиротворение. Настоящий оазис среди раскаленного, душного помещения. Вскоре я вошел во вкус. Мэнди улыбалась, тщательно пряча мысли. Улыбался и Свинчик, поглядывая на падчерицу с нескрываемой гордостью и умилением.

И тут, в одну секунду, праздник превратился в кошмар.

Вначале я ощутил мощную вспышку гнева, исходящую от Мэнди. В ней смешалось все: боль, ярость, негодование.

Я вертел головой, пытаясь понять, что же произошло, и нечаянно задел Геру с Джимом. Полностью погруженные в себя, они не замечали ничего вокруг, лбы их соприкасались.

Обрывки шокирующих сексуальных фантазий как громом поразили мое сознание.

Потом ощущение ослабло, потонув в электрических разрядах. Снова усилилось и снова ослабло.

Меня невольно затошнило. Господи, какая мерзость! Воспользовавшись непогодой, эта парочка на виду у всех, включая девочку-подростка, предавалась самой извращенной форме адюльтера, какую только можно представить. Уводя Мэнди подальше, я невольно продолжал видеть образ двух обнаженных тел, слившихся воедино и двигающихся в сладострастном ритме. Поверх картинки накладывалось ощущение грязного злорадного схищства вперемешку с победным удовлетворением. Сам я отнюдь не ханжа, да и за столько лет в гостинице насмотрелся всякого, но это... Это не укладывалось ни в какие рамки!

— Кажется, я натанцевалась, спасибо, — еле слышно шевельнулось у меня в мозгу. Мэнди побелела как мел. Я разомкнул объятия, и она села, избегая моего взгляда.

Гера и Джим даже не думали останавливаться, с головой, как в омут, окунувшись в свой мир похоти. Оба были бесстыдно спокойны от сознания того, что никто не знал о происходящем, хотя и мог догадываться. Уверен, любовники спланировали все заранее, решив, что гроза — их единственный шанс уединиться в ближайшие две недели...

Наконец они сели передохнуть. Мэнди слегка успокоилась и впервые глянула в глаза отчиму. На лице ее застыло сочувственное выражение. Что-то промелькнуло между ними — не мысль, а нечто на уровне взгляда. Похоже, Свинчик догадался. Ему было явно не по себе.

Поднявшись, толстяк подошел ко мне:

— Наверное, мне лучше прилечь. Неважно себя чувствую: перележал на солнце. Спокойной ночи. — Он кивнул и стал тяжело подниматься по лестнице.

Мэнди буквально задыхалась от гнева, наблюдая за отчимом. Мне тоже не понравилась его слабохарактерность. Ведь подозре-

ния наверняка у него возникли — достаточно было видеть томную улыбку Геры, — но устраивать скандал он не захотел. С другой стороны, глупо кидаться с кулаками на человека за одни только мысли, особенно если не знаешь, что это были за мысли. В таких случаях виноваты всегда обе стороны...

Гера и Джим снова слились в танце. Теперь, когда Свинчик ушел, а Джойс безмятежно дремала в кресле, любовники утратили всякий страх и стыд. Импульсы были настолько сильными, что даже я со своего места перехватил пару образов от Геры.

Мэнди следила с непроницаемым лицом. Покончив с лимонадом, взяла скотч и сейчас сидела, нервно покачивая пустым бокалом.

Губы Джима страстно приоткрылись, Гера сладко зажмурилась.

Дьявол! Неужели они собрались извращаться всю ночь?! Как назло, никаких других клиентов! И вряд ли они заглянут в такую погоду. Сумерки сгущались, дождь лил стеной. Нет, пора выключать музыку.

Время шло.

Мэнди куда-то исчезла, ее кресло опустело. Должно быть, выскользнула проведать Свинчика, пока я подсматривал за любовниками.

На лестнице послышались шаги — Свинчик спускался вниз. Мне удалось поймать картинку: судя по всему, он собирался положить конец веселью. Набирался смелости, сидя в номере. И в самом деле, все зашло слишком далеко.

Наверное, Мэнди его просветила.

Свинчик хлопнул Джима по плечу. Тот повернулся и выпустил Геру. Я уже приготовился смотреть, как обманутый муж врежет ему правой, но получилось иначе. Обняв жену за талию, Свинчик неуклюже продолжил танец. Совершенно потрясенная поступком мужа, Гера с трудом попадала в такт.

Джим опустился в кресло и нервно следил, как пара кружит по узкому пространству импровизированной танцплощадки. На

лице его отразилась целая гамма противоречивых чувств. Свинчика он разглядывал почти с уважением, хотя тот выглядел откровенно нелепо на фоне Геры, которая была выше на добрый дюйм. Супруги вальсировали довольно долго, но едва ли их мысли занимал танец.

Признаюсь, такая комическая развязка меня разочаровала.

Вскоре Свинчик проводил жену на место и направился к стойке.

— Где Мэнди? — требовательно спросил он.

— Даже не представляю, — пожал я плечами. — Разве она была не с вами?

— Нет. И в номере пусто. Я проверил, перед тем как спуститься... Гера! — Мощный импульс тревоги тараном пробил помехи. — Ты не знаешь, где Мэнди?

В ответ донеслось слабое, сконфуженное «нет». Мне вдруг стало безумно любопытно, что же произошло между четой во время танца.

— Когда ты ее видела в последний раз?

— Наверное, час назад, точно не помню. В конце концов, она уже взрослая и в состоянии о себе позаботиться.

— Побойся бога, Гера! Ей всего четырнадцать! Что здесь вообще происходит? С чего бы девочка ушла гулять в такой ливень? Там ведь темно так, что через два шага ничего не видно. А если она упала с обрыва?

Все сгрудились вокруг Свинчика, ощущая нарастающую тревогу. Станным образом он смог полностью взять инициативу в свои руки. Его беспокойство за Мэнди вместе с осознанием ими своей вины разом сломали привычную модель отношений.

— Надо срочно ее искать! — поддержала Свинчика Джойс, пока Гера и Джим нерешительно мялись у стойки. — Я принесу дождевики. Джек, у вас найдется фонарик?

Через считанные минуты мы высыпали на лужайку. В лучах фонариков дождевые струи отливали серебром. Вспышки молний время от времени освещали все вокруг мертвенно-бледным светом.

— Мэнди! Мэнди! — надрывался Свинчик, пытаясь пробиться сквозь электрические помехи.

— Бесполезно, так ее недозваться, — нетерпеливо перебила Джойс. — Давайте лучше сразу искать. Да быстрее вы, вдруг девочка ранена.

Мы разделились. Свинчик и Гера побежали к деревне, я двинулся назад по дороге, а Джим и Джойс остались обыскивать площадку над обрывом. Несмотря на дождевик, я моментально промок. Вода стекала за шиворот, влажные брюки неприятно липли к ногам, в ботинках хлопало. Прошагав с полчаса, я, как и было оговорено, повернул обратно. Все уже собрались у обрыва и дожидались меня. Мэнди среди них не было.

Свинчик направил луч фонарика вниз:

— А если... — Он оборвал мысль, но я успел поймать смутный образ летящей с обрыва девичьей фигурки.

— Бред! — злобно метнула Гера.

— Она ушла засветло. Может, просто не рассчитала время? — робко предположил Джим.

— Когда мы ее найдем, если, конечно, найдем, — вдруг с горечью продолжил Свинчик, роняя мысли, словно булыжники, — нам, Гера, предстоит очень серьезный разговор. Есть пара моментов, которые давно пора прояснить.

— Не понимаю, о чем ты! — нервно отозвалась жена. — Ей просто захотелось прогуляться назло нам, да и вообще сегодня весь день она вела себя странно... — К Гере ненадолго вернулось прежнее самообладание. — Вот с кем у нас будет серьезный разговор! Девчонка заслужила хорошую взбучку. Вернется — я ей устрою. Напугала нас до смерти.

— Заткнись! — зло прошипел Свинчик. — Мэнди! Мэнди!

Остальные отчаянно прошупывали наэлектризованную тишину. Ответа не было. Мы топтались под проливным дождем, не зная, что предпринять.

И вдруг...

Теперь я точно знал, где Мэнди. Скорее! Нельзя терять ни ми-

нуты!

Я уверенно двинулся по кромке обрыва. Остальные недоверчиво последовали за мной.

— Ждите здесь! И все время светите на меня, особенно когда буду перебираться на ту сторону, потом станет легче. Только учтите: оттуда не дозовусь.

Луч моего фонарика выхватил из темноты грубый силуэт Птичьего утеса.

Я сунул фонарик в зубы и осторожно сполз с обрыва к опасному мостику из сланца. Там опустился на четвереньки и двинулся вперед, радуясь, что не вижу бушующих волн далеко внизу. Пятна света от других фонарей то скользили поверху, озаряя неровные уступы скалы, то вдруг исчезали в зияющей бездне.

Добравшись до Птичьего утеса, я переложил фонарь в руку и стал карабкаться наверх.

Ливень заметно ослаб. Яркие вспышки молнии изредка прорезали чернильный мрак ночи, и тогда на поверхности скалы проступала каждая трещинка. Вдруг вспомнилась жуткая картинка, полученная от Мэнди несколько дней назад: Птичий утес рушится, исчезая в бурлящей бездне. Я старался выкинуть эти мысли из головы, но все равно вздрагивал от каждой молнии, прикидывая, куда она может ударить. Внизу яростно плескались волны, острые крошащиеся камни были скользкими на ощупь. Иногда цепляться приходилось обеими руками. Тогда я снова брал фонарик в зубы и полз уже по памяти.

Карабкаясь, я что-то бормотал про себя — наверное, ее имя. Просто чтобы отвлечься от происходящего. Ужасно, до смерти боюсь высоты. Так, бормоча, я упорно двигался вверх.

Последний рывок! Отлогая площадка и очередная вспышка, высветившая бледное, испуганное лицо...

Мы обступили кровать Мэнди, искренне радуясь благополучному исходу. Все стычки и обиды успели забыться. Главное, девочка не пострадала.

— Простите, — извинялась она. — Кажется, я упала в обморок.

Действительно, едва мы оказались в безопасности, Мэнди потеряла сознание.

— Джек, спасибо огромное! — продолжала она. — Угораздило же меня так глупо застрять!

— Лучше скажи, как ты додумалась пойти гулять в такую погоду?! — Теперь, когда все было в порядке, участие Геры снова уступало место раздражению.

— Сама не знаю... Наверное, стало скучно. Надоело сидеть в баре, да и дождь практически прекратился. Вот и решила взобраться на утес... и застряла.

Я был уверен, что Гера продолжит отчитывать дочь, но она, как ни странно, молчала. На щеки Мэнди вернулся румянец, пугающая бледность исчезла. Вот что значит молодость! Лично мне для восстановления сил требовалась хорошая порция скотча и долгий, глубокий сон.

Тем временем Гера переключилась на меня:

— Как вы догадались, где искать? — За суровым тоном легко угадывалась искренняя благодарность. — У меня самой очень острое восприятие, но с такими помехами... У вас, похоже, внутри настоящий радиолокатор.

— Понятия не имею, как это получилось, — скромно потупился я. — Не преувеличивайте, до радара мне далеко. Думаю, все дело в отражении сигнала. Должно быть, расщелина в скале, где была Мэнди, усилила импульсы и направила в мою сторону. В грозу чего только не случается...

Ну и хватит, не объяснять же им подлинную причину.

Повисла неловкая пауза, похожая на ту, что возникает в приемные часы в больнице у постели пациента. Мы стояли вокруг кровати, наблюдая, как Мэнди ворочается под простынями, пока наконец веки ее не сомкнулись, а дыхание не стало размеренным и спокойным. Девочка заснула.

Мы еще немного потоптались рядом, поправляя простыни и

мешая друг другу, а после вышли. Бросив последний взгляд на дочь, Гера тихонько прикрыла дверь и робко улыбнулась Свинчику, а он улыбнулся в ответ. Похоже, намеченная ссора осталась в прошлом.

— Пойдем, Джим! — Джойс решительно взяла мужа за руку. — Пора спать. Мы же собирались выехать пораньше.

— Как? Вы уезжаете? — не поверил я.

— Да. Мы тут немного поговорили... В общем, завтра мы с Джимом отправляемся на побережье. Отдохнем там денек — другой. Сами посудите, что хорошего в том, чтобы проводить отпуск, видя перед собой одни и те же лица. Согласны?

Джим слушал и кивал, покорно улыбаясь.

Блантайры развернулись и пошли в номер, трогательно держа за руки.

Вот она, правда жизни: чтобы образумить людей, бывает достаточно хорошей встряски.

Облако пыли приближалось, сопровождаемое мощным ревом турбин. Сделав поворот, маленький спортивный автомобиль свернул с дороги и прямо по траве помчался к обрыву. Двигатель стих, и машина плавно осела, остановившись в нескольких шагах от меня.

Наружу выпорхнула девушка, и я взял ее руки в свои. Она стала выше, темные волосы заметно отросли. Почему-то считается, что девочки, вырастая, обязательно становятся жеманными и кокетливыми, но к моей гостье это не относилось. Она просто выросла очень красивой, вот и все.

Она улыбнулась, и я, повинувшись внезапному порыву, поцеловал ее в губы. Поцелуй длился недолго, потом мы оба в смущении отпрянули.

— Так вот как ты встречаешь новый персонал! — улыбнулась она, как обычно отправляя мне четкие, ясные образы. — Понятно теперь, почему здесь никто не хочет работать. Пугаешь людей прямо с порога. Если бы мама знала о твоих привычках, никогда

бы не отпустила меня одну.

— Думаю, мать рада избавиться от тебя хотя бы на пару месяцев, — парировал я. — В любом случае, очень рад тебя видеть, Мэнди. Очень мило с твоей стороны пожертвовать каникулами, чтобы помочь мне с делами.

— Ну... — Мэнди слегка смутилась. — По правде говоря, никаких каникул и нет. На прошлой неделе я бросила школу. Со всем. Буду теперь работать.

— Ага, — хмыкнул я неопределенно, раздираемый противоречивыми чувствами. В конце концов, не так уж и много мне лет. Тридцать семь... Разве много? Просто Мэнди слишком молода... С другой стороны, она ведь вернулась. Знала и вернулась. Я признался ей той ночью на утесе... А почему бы и нет, в конце-то концов!

— Значит... ну, это... тебе не обязательно ехать домой к началу учебного года?

— Нет. — Еще одна лукавая улыбка и озорной взгляд.

Мэнди покрутила головой, окидывая взглядом море, скалы, гостиницу, Птичий утес.

— А здесь все по-старому, так тихо, спокойно... Я понимаю, почему ты не переносишь большие города.

В яблочко, девочка моя, точнее не скажешь!

Знаю, что нелегко, но постарайтесь представить, что такое для меня жить в большом городе. Бесконечный гул ракет, непрерывное стрекотание автолетов, скрежет и лязг экскаваторных ковшей, завывание и рев автомобильных турбин. Не представляете? Да где уж вам!

Люди двадцатого века сразу бы поняли, о чем речь. Тогда о возможности слышать мысли других знали лишь понаслышке, а слуховые нервы не утратили своей функции. С нынешними технологиями, когда повсюду такая убийственная какофония, слух превратился в настоящий источник боли и постепенно атрофировался за ненадобностью.

Конечно, вам сложно это представить, потому что вы не слы-

шите. В отличие от меня.

Кто я? Вы считаете это уродством? Пережитком прошлого?

Но что бы вы ни думали, я благодарю Бога за то, что он создал меня таким. Ведь именно это первобытное чувство помогло мне найти Мэнди, когда она, движимая неосознанным инстинктом, решила забраться на Птичий утес. Оказавшись в ловушке, там, на вершине, в грозу, не в силах дотянуться до людей телепатически, она выплеснула страх самым древним, примитивнейшим способом.

И лишь я один услышал ее крик.

КАРАМБА

Корабль был небольшой — тесное временное пристанище. Двое стояли перед экраном внешнего обзора. На их лицах отражались противоположные эмоции. Серебристо-зеленая планета на экране медленно увеличивалась в размерах. Изредка картинку искажали непродолжительные помехи. Корабельное оборудование было далеко не новым, как и сам корабль, отработавший много лет, повидавший немало звезд.

То же самое можно было сказать и о Бэнкрофте. На приближающуюся планету он взирал с легкой скукой человека, не раз видавшего подобные картины вообще и данную планету в частности. Скотт же, напротив, жадно изучал изображение. Они вообще были очень разные. Бэнкрофт — коренастый и склонный к полноте; его лицо бороздили морщины и покрывали отметины, оставленные атмосферами различной степени враждебности. А Скотт, двадцатипятилетний подчиненный Бэнкрофта, — высокий, стройный, с по-юношески свежей кожей.

— Теперь уже недолго, — сказал Бэнкрофт. — Пока не приземлились, хочу предупредить. Ни в коем случае не раскрывая карамбианам цель своего визита. Я сочиню какое-нибудь объяснение, а ты только поддакивай.

— Почему? — удивился Скотт.

— Потому что у них иные взгляды на мир. А их вождь вбил себе в голову, что мы держим братьев наших меньших на положении рабов. Однажды он посетил Землю и какой-то кретин сводил его в зоопарк. Вождь очень расстроился.

— Понятно. Тогда, значит, я выбрался подразмывать ноги?

— Отлично. Теперь, я думаю, мы предусмотрели все...

— Хорошо бы еще раз пройтись по всем пунктам. — Скотт всегда стремился выжать отовсюду максимум информации. Он никак не мог утолить свое любопытство. Но, сколько бы ни узнавал, все ему было мало.

Бэнкрофт устало вздохнул. Энтузиазм Скотта утомлял его. Как, впрочем, и сам Скотт — его сверкающие очки, узкое лицо с острым подбородком, его неиссякаемая энергия. Он не решался сказать об этом прямо, растолковать, что вот доживет Скотт до его, Бэнкрофта, лет и все планеты станут для него похожи одна на другую, да и на инопланетян он будет смотреть как на людей, а не как на любопытную форму жизни.

— О чем ты хочешь услышать?

— Обо всем. Об особенностях местности, о формах жизни, о климате и составе атмосферы. Обо всем. — Скотт достал из нагрудного кармана ручку, из бокового кармана — блокнот и занес первую над последним, демонстрируя готовность впитывать мудрость Бэнкрофта, квинтэссенцию многолетнего опыта. Скотт уважал чужой опыт, поскольку не имел своего. Он закончил колледж по профессии биоэколог и сейчас выполнял свое первое задание. От него требовалось разобраться в происходящем на Карамбе, планете хоть и второстепенной, но, тем не менее, полноправном члене Союза.

— Мне кажется, будет лучше, если ты увидишь все своими глазами, — осторожно предложил Бэнкрофт. — На тебя не будут давить чужие стереотипы, и ты сохранишь свежий взгляд на мир.

— Да, конечно, — горячо согласился Скотт, и Бэнкрофт немного расслабился. — Тогда расскажите о планете в общих чертах. Какова она?

Бэнкрофт снова вздохнул. Из-за Скотта он чувствовал себя стариком.

— Карамба — сравнительно молодая планета, — начал он, — единственная в своей системе. На ней много вулканов, поэтому почва имеет пористую структуру.

Скотт делал заметки.

— ... пористую структуру. Дальше.

— По всем признакам, на планете наступает что-то вроде ледникового периода. Возможно, меняется угол наклона ее оси. В обычных условиях это не приводит к катастрофе: живые существа просто мигрируют в более теплые регионы. Но на Карамбе всего один континент, и к тому же небольшой. Остальную часть планеты занимает океан. Иначе говоря, им здесь некуда бежать.

— Интересная проблема. — Скотт блеснул очками, ожидая продолжения.

— Я смотрю на это иначе, — резко возразил Бэнкрофт. — На мой взгляд, это трагедия. Лично мне карамбиане нравятся. Пусть и выглядят они необычно, но... у меня среди них друзья. Я много раз прилетал сюда за шуумом, и с ними приятно иметь дело. Они отличные ребята, ни разу не обманули, даже не попытались. Сейчас, когда добыча шуума упала, они извиняются, вместо того чтобы взвинчивать цены.

— Не очень-то по-деловому.

— Не очень. И я уважаю их за это. Всю жизнь я торгуюсь с упрямыми, сварливыми инопланетянами, и поездки на Карамбу для меня что-то вроде отдыха. Их вожда зовут Мор. Я его знаю уже двадцать лет. Нечасто встретишь столь деликатного человека.

— Человека! — фыркнул Скотт. — Вы как будто считаете себя одним из них. Скажите, они действительно выглядят как на этом фото? — Он показал фотографию, на которой была запечатлена группа карамбиан у груды шуума. Бэнкрофт в футболке и шортах выглядел среди них неуместно. Одной рукой он обнимал карамбианина, покрытого наростами больше других. Судя по фотографии, рост карамбиан достигал двух метров, а обхват — около метра. Они были похожи на покрытые серовой кожей колонны, почти совершенно ровные, за исключением тонкого, свисающего щупальца, отходящего от тела на высоте двух третей роста. Ближе к верхушке колонны, сразу над маленьким круглым ртом, располагался единственный глаз. Венчало колонну воронкообразное

подвижное ухо. Все вместе это выглядело как отпиленная слововья нога с прилепленным сверху серовато-желтым цветком.

— Не обманывайся их внешностью, — заметил Бэнкрофт. — Они вполне разумные существа.

— Интересно, а как у них с сексом? — хихикнул Скотт, забывая про научный подход и вглядываясь в фотографию.

Карамбиане не имели видимых половых органов. Вопрос карамбианского секса служил предметом многочисленных дискуссий. Биологи с удовольствием дискутировали на эту тему, тем более что сами карамбиане проявляли сдержанность в данном вопросе. Биологи пришли к выводу, что процесс совокупления, скорее всего, доставляет карамбианам невероятное наслаждение и сопровождается острым чувством вины (последнее уже предположили психологи). Об этом были написаны серьезные работы, выдвигавшие самые необычные теории.

— Не знаю, — отрезал Бэнкрофт. — Не спрашивал. И тебе не советую. Помнится, на Фестивале Земли вождя Мора окружила толпа репортеров. Они не придумали ничего умнее, чем без конца повторять этот глупый вопрос. И если уж репортеры не выудили ничего, я сомневаюсь, что это удастся тебе. Также не спрашивай, откуда берется шуум. Это один из самых строго охраняемых секретов Вселенной.

— Ясно. — Скотт почувствовал легкое раздражение. — Должен заметить, вы не кажетесь любознательным человеком. Ваше отношение трудно назвать научным подходом.

— Я торговец, — коротко ответил Бэнкрофт.

— Вы упустили такую возможность! — Очки Скотта снова сверкнули. — Вы могли изучать планету, получая информацию, что называется, из первых рук. Монологист многое бы отдал за это!

— Монологист?

— Биолог, специализирующийся на жизненных формах типа карамбиан. То есть на моноподах. На одноруких, одноногих, одноглазых и так далее. Удивительные существа! Я прочитал о них

все что нашел, когда узнал о назначении. А вы знаете, что лишь одна похожая раса из уже открытых...

— Пристегнись, Скотт. Мы приземляемся.

— А вот и они, — пробормотал Бэнкрофт, стоя у иллюминатора.

— Ничего себе! Они и правда удивительны! — Скотт протер рукавом стекло и прищурился, стараясь проникнуть взглядом сквозь постепенно оседающее облако серого вулканического пепла.

Метрах в двухстах поодаль неподвижно замерли серые монолитные фигуры. Пятеро карамбиан внимательно наблюдали за кораблем.

— Они подойдут ближе, как только осядет пыль и мы выйдем наружу, — пояснил Бэнкрофт. — Они бережно относятся к своему зрению. Из-за того что у них единственный глаз, они стараются не подвергать его риску. Например, никогда не выходят к океану, потому что вода в нем соленая и они боятся попадания брызг в глаз. Прибрежные районы здесь почти не заселены.

Воодушевленный Скотт обрушил на Бэнкрофта поток вопросов. Пока тот выкладывал все что знал о фобиях моноподов, пыль осела, и люди выбрались через люк на лестницу. Воздух мало чем отличался от земного, но Скотт принял и сморщился: в воздухе чувствовался запах серы.

Как только люди спустились к подножию лестницы, группа карамбиан начала подпрыгивать на месте, поднимая клубы пыли своими основаниями. Внезапно они тронулись с места и направились в сторону Скотта и Бэнкрофта. Передвигаясь прыжками, они напоминали ожившие кегли. Скотт усмехнулся: до чего же нелепое зрелище! Может, если бы карамбиане прыгали в унисон, в едином ритме, это выглядело бы не столь абсурдно?

Усмешка Скотта угасала по мере приближения туземцев: от их прыжков задрожала земля, сначала мелко, потом все сильнее. От этих огромных, увесистых существ исходило ощущение опас-

ности. Их тонкие щупальца выглядели достаточно сильными, чтобы повалить человека на землю и потом раздавить широким основанием...

— Приветствую, друг Бэнкрофт, — прозвучал глубокий, низкий голос. Слова были произнесены на универсальном языке, но в странной манере: отрывисто, с четким разделением звуков, словно серия быстрых отрывков.

— Привет, Мор, — ответил Бэнкрофт. — Очень рад тебя видеть. Это — Скотт. Он... э-э-э... сопровождает меня в поездке, чтобы поднабраться опыта.

— Приветствую, друг Скотт.

Скотт неуверенно протянул руку и тут же почувствовал, как ее крепко сжало кожистое щупальце. Он встретился взглядом с Мором и вздрогнул, когда огромный глаз ему подмигнул. Предполагив, что это местная форма приветствия, Скотт поспешно подмигнул в ответ, чтобы не обидеть гигантского негуманоида, железной хваткой удерживающего его руку.

Бэнкрофт с усмешкой наблюдал за ними, понимая, что все дело в очках Скотта: они совершенно заворожили Мора. Старый вождь был очень впечатлителен.

Некоторое время они обменивались любезностями, после чего Мор представил людям остальных членов группы. Потом Бэнкрофт перешел к делу:

— Как твоя деревня, Мор? Процветает?

Брюшной насос Мора заметно пульсировал под серой кожей.

— Нет, друг Бэнкрофт. Дела становятся только хуже... Шуума все меньше. Мне очень жаль, но на этот раз мы предложим совсем немного.

— Не беспокойся, я дам хорошую цену... Если позволишь, мы задержимся у вас на пару дней. Кораблю требуется мелкий ремонт, да и Скотт хочет поизучать вашу растительность... — Бэнкрофту совсем не хотелось обманывать моноподов, но он хорошо знал, как карамбиане относятся к предложениям о помощи. Казалось, они сознательно стараются не допустить, чтобы им по-

могали.

— Моя деревня — ваша деревня, — ответил Мор не задумываясь. — Добро пожаловать!

Скотт зачарованно наблюдал, как ускоряется брюшной насос монопода, мощными ударами отбивая такт под сморщенной кожей. Казалось, что там скрыт огромный поршень с ходом более полуметра. Поршень набрал обороты, Мор начал подпрыгивать, развернулся и поскакал по утопанной тропинке в сторону деревни. Остальные последовали за ним.

Поначалу Скотт пытался идти по серой, пепельного цвета почве, но она оказалась такой пористой и мягкой, что при каждом шаге он проваливался по щиколотки в землю. Наконец он отказался от своей идеи и пошел вслед за Бэнкрофтом по узкой твердой тропинке, утопанной почти на полметра ниже уровня земли бесчисленными проходами моноподов.

— Может, лучше устроить опорную базу а корабле? — шепотом спросил Скотт у Бэнкрофта. Они шагали позади Мора и его свиты — колонны прыгающих, сотрясающих землю монолитов.

— Нет, — тихо ответил Бэнкрофт через плечо. — Это невежливо. Деревня вполне сносное место. Специально для меня они там держат хижину. Нельзя пренебрегать их гостеприимством.

— Понятно. — Скотт с тоской оглянулся на чистый и сверкающий под полуденным солнцем корабль. Потом неприязненно посмотрел на деревню — кучку темных безликих куполов прямо по курсу. Сравнение порождало депрессию. Скотт с трудом допускал, что в деревне есть водопровод и горячая вода. И, самое главное, каковы здешние уборные?

— Вот мы и пришли. — Бэнкрофт откинул закрывающую вход завесу из сухого растительного материала. — Это наш дом.

Скотт коротко взглянул на Бэнкрофта, пытаясь уловить сарказм.

— Это?

Изнутри дом представлял собой одно круглое помещение, схо-

дящееся куполом вверх. Полom служил неравномерно утоптан- ный слой вулканического пепла. Окон не было вообще. У стены напротив входа разрослась небольшая колония серых сфериче- ских грибов. На полу валялась куча невыделанных шкур. Бэн- крофт наклонился и разделил их на две части.

— Ты только посмотри, Скотт, какая роскошь! Может, ты не отдаешь себе отчет, но твоя постель стоит приблизительно два миллиона юникредиток.

— Невероятно! — Скотт поднял одну из шкур и подошел к входу. — Боже правый! — пробормотал он в изумлении. В его ру- ках была идеальная невыделанная шкура.

Вечером они сидели на корточках в хижине Мора, а вокруг них возвышались вождь и четверо старейшин. Все пили курм, сильнодействующий дистиллят, который деревенские гнали из хлыст-дерева с помощью аппарата, завезенного Бэнкрофтом не- сколько лет назад. Познакомив простаков с алкоголем, Бэнкрофт не испытывал угрызений совести, и на то были свои причины.

— То есть вы снабдили их самогонным аппаратом? — раздра- женно спросил Скотт, опуская кружку. — Но это же низко! Вы же знаете законы Союза. Нет ничего позорнее, чем спаивать невин- ных живо... э-э-э, невинные формы жизни. Ради всего святого, для чего вы это сделали?

— Мне нравится считать себя знатоком местных напитков. Особенно напитков собственной рецептуры, — беспечно ответил Бэнкрофт с обезоруживающей улыбкой, главным предназначени- ем которой было вызвать раздражение, — и это удалось. — Мне надоел наш корабельный джин, а в этом напитке есть нечто такое, из-за я стремлюсь вернуться сюда.

— Просто свинство. Я вынужден доложить об этом.

— Полегче, Скотт. Я же пошутил. На самом деле карамбиане пьют, только когда я здесь, и к тому же малыми дозами. Им не нравится иметь дело с хлыст-деревом, у которого встречаются эк- земпляры с раздвоенным стеблем вместо привычного одного. Это

кажется неестественным в мире, где вся жизнь основана на числе один. Они думают, что это проявление зла. Им понадобилась уйма времени, чтобы свыкнуться с моей двуногостью.

Греховный курм отлично согрел, и Скотт слегка оттаял.

— Надеюсь, вы правы, Бэнкрофт. Чертовски надеюсь. Ей-богу, если б я решил, что вы спаиваете этих уродцев... — Он с тревогой взглянул на огромные фигуры.

— Вообще-то карамбиане по своей природе склонны к воздержанию. Они предпочитают сохранять ясную голову.

— Это всего лишь слова. — Скотт сделал еще глоток. Определенно, в напитке что-то есть...

Он решил отложить вопрос до лучших времен и приберечь как козырной туз. Если у него возникнут разногласия с Бэнкрофтом, он всегда сможет использовать этот козырь. Скотт мысленно улыбнулся, подумав, что Бэнкрофт теперь у него на крючке.

— А все же неплохая штука этот курм, — заметил он после долгого молчания.

Но Бэнкрофт сосредоточенно слушал Мора, который рассказывал о бедах, постигших деревню и всю расу моноподов.

— Зимы становятся все холоднее, и лето уже не такое теплое, как раньше. Добыча шуум падает. С каждым годом на продажу выделяется все меньше и меньше... а в деревне все больше пустых хижин. У нас накопилось много денег, но что толку в богатстве, если твой собственный дом становится тебе враждебен?

— Это все, что вы заготовили со времени моего последнего приезда? — Бэнкрофт указал на ворох шкур в центре помещения.

— Все, и еще шесть шкур в твоей хижине. Итого пятнадцать. И к тому же не лучшего качества.

Бэнкрофт печально улыбнулся:

— Ты не должен так говорить, Мор. Так не говорят хорошие коммерсанты. Мне шуум кажется вполне нормальным. Скотт, взгляни-ка. Редкое зрелище — шуум в первозданном виде.

Скотт протянул руку и осторожно вытащил из кучи одну шку-

ру. Он положил ее к себе на колени и попытался сфокусировать непослушные глаза. Грязноватая шкура ничем не отличалась от тех, что лежали в их хижине: необработанная, она была не такой привлекательной, как красивые пушисто-кожаные пальто, столь ценимые женщинами Земли. Основа меха была в порядке: мягкая кожа с невероятно тонкой текстурой. Но сам короткий мех, состоящий из тонких шерстинок, был матовый и темный, и шкура в целом, казалось, требовала основательной чистки. Скотт отбросил шкуру обратно в кучу и вытер руки о штаны.

— Просто удивительно, какие чудеса творит выделка, — заметил он. Слова прозвучали не слишком вежливо.

Подкрался вечер, зажглись лампы. Воздух в куполообразной хижине стал горячим и густым. Курма было выпито достаточно. Наконец Бэнкрофт поднялся на ноги и помог встать Скотту. Вместе они вывалились на ледяной, колючий ветер, оставив карамбиан дремать в хижине. Моноподы спали стоя, прикрыв веком единственный глаз.

— Ну что ж, — сказал Бэнкрофт после завтрака, — пора показать тебе, что тут к чему.

Настроение у Бэнкрофта было слегка садистское. Он отметил, что на этот раз взял над Скоттом верх. Тот сидел на полу, обхватив голову руками, и явно не желал ничего, кроме как забыться, зарывшись обратно в шкуры шуум. Сам же Бэнкрофт, привычный к курму, чувствовал избыток энергии. Больше такого шанса могло и не представиться, поэтому Бэнкрофт намеревался выжать из ситуации максимум возможного.

Опираясь о шершавую стену, Скотт с кряхтением поднялся, вслед за Бэнкрофтом вышел из хижины и зажмурился от яркого света. Десять минут спустя они уже шагали по ноздреватой почве, похожей на толченную пемзу, выбеленную свирепым солнцем. На небе цвета синего металла не было ни облачка, но разреженный воздух тем не менее оставался прохладен.

— Здесь когда-нибудь идет дождь? — поинтересовался Скотт.

— Только на Великой равнине Ко. Она впереди в пятнадцати километрах, за хлыст-рощей. Ветер здесь дует только со стороны океана и только в глубь материка. Великая равнина лежит в центре континента, и воздух поднимается над ней в течение всего дня, привлекая влажные массы с океана. Ночью влага конденсируется и выпадает. Если верить местным, дождь идет на равнине каждую ночь.

— Откуда берут воду в деревне?

— Из колодцев. Ни рек, ни водоемов здесь нет. Грунт слишком пористый.

Головная боль немного утихла. Скотт нацепил солнцезащитные очки и, шурясь, оглядел залитый солнцем невыразительный ландшафт. Одна сухая земля повсюду, насколько хватало глаз. И лишь утоптанная тропа, по которой они шли, вносила разнообразие в унылый пейзаж. Прямая, словно стрела, она убегала туда, где бриллиантовая дымка отмечала начало хлыст-рощи. Иных признаков растительности не наблюдалось, и мертвый воздух пах серой.

— Что это? — спросил Скотт. Навстречу людям по тропе двигалась большая серая фигура. За ней клубилось облако пыли.

— Ах да. Вот и вторая из твоих любопытных форм жизни, Скотт. Гигантский гастропод, если я прав, в сопровождении карамбианина.

Скотт молча проглотил покровительственный тон Бэнкрофта, ради того чтобы получить больше информации.

— Гастроподы — земноводные семейства улиток, — продолжал Бэнкрофт. — Достигнув зрелости, мигрируют в глубь континента. Это очень удобно для карамбиан, которые приспособили их для перевозки грузов. И ходят слухи, что именно гастроподы являются источником шуума. Однажды Мор проговорился, что мехом выстлана внутренняя поверхность их раковин. Хочешь верь, хочешь нет. Лично я считаю это сознательной дезинформацией.

Существо подошло ближе, и Скотт разглядел, что оно и вправ-

ду напоминает огромную серую улитку пятиметровой длины — она передвигалась при помощи энергичных волнообразных движений. Вокруг гигантской раковины была повязана толстая веревка, конец которой спускался к четырехколесной повозке, груженной зелеными побегами и грибами белого цвета. Посреди этой груды, покачиваясь в такт колыхающейся повозке, стоял карамбианин и, судя по всему, дремал.

Из закругленного передка гастропода торчала антенна, заканчивающаяся сферическим глазом. Словно стрела, она была нацелена в небо. Животное ползло по тропе, ориентируясь частью по памяти, частью на ощупь.

Пока Скотт размышлял, стоит ли сойти с тропы, чтобы оставить громыхающей повозке как можно больше места, антенна гастропода резко наклонилась вперед и завибрировала. Обнаружив впереди помеху, гастропод явно испугался. Шарахнувшись в сторону, он сполз с тропы, пропахал мягкую почву и зарылся в нее, подняв облако пыли. Несколько мгновений повозка по инерции катилась навстречу Бэнкрофту и Скотту, пока натянувшаяся веревка не дернула ее вбок. Повозка свернула, и передние колеса въехали на резко повышающийся край тропы. Карамбианин вывалился из своего гнезда и грохнулся на тропу, да так, что вздрогнула земля. Теперь он лежал ничком, звеня от ужаса и слабо шевеля щупальцем.

— Нужно поднять его как можно скорее! — взволнованно крикнул Бэнкрофт.

Они бросились к беспомощной фигуре. Брюшной насос карамбианина судорожно трепетал — его работе мешала утоптанная почва тропы. Карамбианин дышал неглубоко и прерывисто.

— Постарайся держать тело ровно, друг! — приказал Бэнкрофт.

Карамбианину хватило сознания понять и выполнить приказ. Бэнкрофт и Скотт просунули руки под верхнюю часть туловища. Вес был немаленький, но на счет «раз-два» они сумели приподнять верхнюю часть монопода, пронести ее, двигаясь по кругу, к

повозке и, приподняв, забросить на край. Монопод некоторое время не двигался, оставаясь под углом сорок пять градусов. Его насос жадно закачивал воздух и восстанавливал кровообращение.

— Готов? — наконец спросил Бэнкрофт, заботливо всматриваясь в глаз существа.

Получив слабое подтверждение, Бэнкрофт забрался под монопода, уперся спиной в толстое жесткое тело и с кряхтением отжал его в вертикальное положение. Поначалу карамбианин раскачивался из стороны в сторону, так что Скотт чуть не бросился ему на помощь. Но потом стойка монопода стала более уверенной, и работа насоса стабилизировалась.

— Благодарю тебя, друг Бэнкрофт. И тебя, друг Скотт. Большое спасибо вам обоим.

— Не за что, — пробормотал Скотт. — В самом деле это моя вина: вовремя не освободил дорогу. — Против воли он почувствовал вдруг симпатию к моноподу, такому сильному в обычных условиях и такому беспомощному в ситуации, которую человек разрешил бы в одно мгновение. Скотт стряхнул с бока карамбианина прилипшую пыль и кусочки земли.

Бэнкрофт посмотрел на Скотта с удивлением.

— Думаю, теперь с ним все будет хорошо, — сказал он, когда они продолжили путь по тропе. — Они не такие уж и пугающие, когда узнаешь их поближе, верно? — Он улыбнулся самому себе, отряхивая куртку от пыли. Сзади донеслась серия глухих ударов — оживший карамбианин тяжело попрыгал к задней части повозки, вскочил на нее и занял прежнее положение среди груза.

— Теперь понимаешь, почему они так осторожничают с курмом? — спросил Бэнкрофт. — Способность сохранять равновесие — для них вопрос жизни и смерти. Как только они падают, насос практически перестает функционировать. Поток крови замедляется и дыхание затрудняется так, что они не могут даже позвать на помощь.

— Странно, что такая уязвимая форма жизни смогла сохраниться, — заметил Скотт.

— Нет конкуренции, вот и выжили. Другие способные передвигаться существа из тех, что я здесь видел, — гастроподы и моноптеры, вряд ли могли стать эволюционными конкурентами. Первые уж больно неповоротливы, а вторые размером не вышли.

— Сегодня утром я поймал моноптера, — сообщил Скотт. — В хижине. Удивительное насекомое. Вы когда-нибудь рассматривали их вблизи?

— Это они рассматривали меня вблизи. В прошлый приезд я уснул, не намазавшись мазью. Проснулся посреди ночи — один из них сидит у меня на руке. Воткнул длинный яйцеклад и откладывал в меня бог знает что. Никогда не забывай про мазь, Скотт.

— Это не яйцеклад, — объяснил Скотт. — Хоботок моноптеров предназначен для всасывания, а не откладывания.

— Вот оно что. — Бэнкрофту очень не понравилось, что его поучает неопытный мальчишка. — Он выходил из нижней части тела насекомого, вот я и решил, что это яйцеклад.

— Нет, он сосал вашу кровь, — поморщился Скотт. — Кстати, анатомически он очень похож на моноподов. В его теле тоже есть насос, который отвечает за процесс всасывания крови, циркуляцию внутренней жидкости и дыхание. Только у него нет щупальца, зато есть цепообразный пропеллер, которым он вертит над собой. Я вскрыл его, и он оказался полон крови. Ваша это кровь или его собственная, без анализа сказать не могу.

Бэнкрофт промолчал. Его искренне изумляло, что кто-то может испытывать энтузиазм, препарируя восьмисантиметрового моноптера ранним утром, и к тому же с похмелья.

— А это что такое?! — ворвался в его мысли восторженный возглас Скотта. Молодой биоэколог, упав на колени и скинув рюкзак, торопливо доставал ящички для образцов. Из рыхлой почвы вокруг торчало множество мелких грибообразных объектов белого цвета. Скотт торопливо вырыл совочком несколько дымящихся грибов и осторожно разложил по ящичкам.

— Закончил? — скукаяще поинтересовался Бэнкрофт, поднимая ботинком клубы вулканического пепла.

— Подождите... а это что вон там? — Скотт прошел по скрипящему грунту туда, где росла целая группа больших грибов — шарообразные головки чуть крупнее теннисного мяча — тонкой ножке. Скотт сорвал несколько штук и положил в рюкзак.

На второй день Бэнкрофта разбудил холодный свет, струящийся сквозь бахрому входного занавеса. Он сел и увидел, что постель Скотта пуста. Усмехнувшись, Бэнкрофт живо представил напарника, жадно отбирающего очередную порцию образцов, будучи не в силах подождать до завтрака.

Накануне произошло неожиданное событие: маленькие дымящие грибочки Скотта превратились в вертящихся моноптеров и, к удивлению биоэколога, сожрали все те грибы, что были крупнее. А ведь Скотт считал, что имеет дело с немобильной формой жизни.

Бэнкрофт потянулся, встал, зевнул и отодвинул занавеску. Начинался еще один типичный карамбианский день: небо холодного стального цвета, солнце только-только начинало прогревать воздух.

Как только Бэнкрофт появился в проеме, вход накрыла большая тень. Он выглянул и увидел Мора — тот прыгал в его сторону по утоптанной площади, вокруг которой располагались хижины.

— Доброе утро, Мор. Пришел позавтракать со мной? Вот только дождемся Скотта.

— Он еще долго не вернется, — ответил монопод, и что-то в его тоне насторожило Бэнкрофта.

— Что случилось?

— Точно не знаю. — Мор неопределенно махнул щупальцем. — Но в деревню только что вернулся один из старейшин. Он ходил на Великую равнину Ко и на обратном пути повстречал Скотта. Тот двигался в сторону хлыст-рощи.

— Собирал образцы?

— Ничего он не собирал, друг Бэнкрофт. Он уже прошел поле дымящих грибов, следуя тропой пилигримов. Тропа ведет через

хлыст-рощу к священным захоронениям Великой равнины.

— О боже! Прости меня, Мор.

— Ты рассказал ему о священных захоронениях, друг Бэнкрофт?

— Да, рассказал. Вчера после обеда он отправился собирать образцы. Перед уходом я предупредил, чтобы он не приближался к хлыст-деревьям. Он спросил, почему, и мне пришлось рассказать о том, что равнина — запретное место. — Бэнкрофт на секунду задумался. — Ты не допускаешь, что он просто возьмет образцы хлыст-деревя и вернется?

— Не допускаю, — твердо сказал Мор. Его глаз немигающе уставился на человека, а слуховой рожок оскорбленно замер. — Вы можете обманывать друг друга, но не меня. Я наблюдал за твоим коллегой Скоттом. Скажу: он любознательный, но импульсивный юноша. Его исследования не дали результата, и он не может с этим смириться. С твоих слов, он прилетел якобы исследовать нашу растительность. Я в это тоже не верю. Я думаю, он прилетел, чтобы исследовать нас самих.

Мор сделал короткую паузу. Его насос колотился так сильно, что кожа покрылась рябью. Но когда он продолжил, его голос звучал мягче.

— Ты мне нравишься, Бэнкрофт. Ты с нами честен. Но мне не нравится ваша раса. Мне не нравится, как ваша раса обращается с меньшими братьями. Я не хочу, чтобы карамбиане оказались в таком же положении.

— Мор! — Страстная речь монопода вывела Бэнкрофта из привычного равновесия. — Что ты такое говоришь? Ради всего святого, остановись! — Его взгляд был прикован к гипнотическому колебанию насоса: старый карамбианин явно вредил себе, так сильно нервничая. — Никто не собирается поработать вас. Мы этим не занимаемся.

— Но я бывал на Земле, если ты помнишь. Что скажешь насчет вашего крупного рогатого скота и овец?

— А ты что скажешь насчет ваших гастроподов? — Бэнкрофт внезапно почувствовал себя уязвленным.

— Это другое дело! — безо всякой логики заявил Мор. — Во всяком случае, мы не сажаем гастроподов в клетки, не держим в зоопарках и уж тем более не едим. Они вольны приходить и уходить, когда им вздумается.

— Но что именно тебя пугает? — подумав немного, спросил Бэнкрофт. — Ради чего нам вас порабощать?

Мор моргнул. Он слишком увлекся и наговорил лишнего.

— Только карамбиане знают, как добывать шуум, — сказал он. Его голос зазвучал прерывисто. Насос заметно ускорился, и монопода начало подергивать. — Иди... и... забери... своего... друга! — Он резко дернулся, развернулся и поскакал прочь по иссохшему серому грунту.

Тропа через хлыст-рошу была хорошо утоптана. Тонкие зеленые стволы поднимались из неплодородной почвы, на которой больше ничего не росло, и уходили в небо метров на пятнадцать, утончаясь к вершине. Шагая по тропе, Бэнкрофт дивился сказочному виду вокруг. Свет, пробиваясь сквозь скопление гладких стволов, приобретал жуткий изумрудный оттенок, а сами стволы казались полупрозрачными и расплывчатыми, как заросли водорослей, плавно колеблющихся в подводном течении.

Выбравшись наконец на яркий дневной свет, Бэнкрофт замер в нерешительности. Тропа разветвлялась на несколько менее утоптаных тропинок, они разбегались во все стороны по безликому, серебристо-серому простору Великой равнины Ко. Трудно представить, какую тропинку мог выбрать Скотт.

Изучая разнообразие тропинок и круглые следы моноподов на них, Бэнкрофт наткнулся на отпечатки ботинок. Глубокие следы на пористом грунте прослеживались на протяжении нескольких метров, а потом терялись в общей путанице главной тропы, по которой, судя по отпечаткам, передвигались и запряженные в повозки гастроподы, и карамбиане. Бэнкрофт зашагал дальше по пыльной, припорошенной пеплом тропе, всматриваясь в серебристо-синий горизонт.

Через три километра он подошел к группе высоких объектов жемчужного цвета, расположенных более-менее по кругу. Зрелище вызвало внезапный приступ ностальгии по разрушенному на Земле Стоунхенджу. Сходство подчеркивала фигура Скотта у ближайшей колонны: он стоял на коленях и локтях, как будто в молитвенной позе. На мгновение Бэнкрофт растерялся, с недоумением глядя на эту сцену, потом торопливо зашагал вперед.

Скотт поднял раскрасневшееся лицо, увидел Бэнкрофта, снял очки и начал протирать стекла носовым платком.

— Ну и дела! — весело воскликнул он. — Вы только посмотрите!

— Какого черта ты здесь делаешь?! — рявкнул Бэнкрофт. — Забыл, что это священная земля? Из-за твоей выходки у нас проблемы!

— Неважно, — рассеянно отозвался Скотт. — Просто взгляните, что я нашел. Я увидел в основании этой штуковины что-то торчащее из земли и начал копать. Ну, посмотрите же!

Было очевидно, что Скотту пришлось потрудиться: маленькой лопаткой он вырыл яму размером два с половиной метра на метр. На дне ямы лежали останки карамбианина.

Бэнкрофт ошеломленно уставился на них.

— Ты хоть понимаешь, что ты наделал? — рассердился он. — Понимаешь, какие неприятности нас ожидают?

— Что значат мелкие неприятности в сравнении с моим открытием? — Скотт вскочил, продолжая улыбаться. — А что вы можете сказать об этом? — Он похлопал по колонне перед собой. — Еще один представитель семьи дымящих растений. Гниющая плоть служит для него удобрением. Смотрите, какое оно большое! Думаю, именно для этого они хоронят умерших здесь... — Его голос оборвался. Он уставился на растение на противоположной стороне круга так, словно увидел привидение.

— Вы только посмотрите! — воскликнул он.

Бэнкрофт проследил за его взглядом. Растение, привлекавшее внимание Скотта, и правда отличалось от остальных. Солнце не-

много переместилось по небу, и теперь одна сторона растения испускала свечение, которое нельзя было объяснить только отражением солнечных лучей. Желтовато-оранжевым светом светилось само растение, а его контуры смягчал толстый слой меха.

— Шуум! — завопил Скотт и бросился на другую сторону круга. — Мы нашли его, Бэнкрофт! Мы нашли источник шуума! Мы богаты! Нужно прихватить с собой одно или два растения, и мы сможем выращивать шуум дома на ферме! — Он радостно захохотал. — Для начала я заберу вот это! — Даже не задумываясь о том, как они потащат гигантское растение на корабль, Скотт выхватил из-за пояса нож, упал на колени и начал деловито подпирать сужающееся основание.

После нескольких энергичных движений ножом растение закачалось. Бэнкрофт стоял в стороне и молча наблюдал. Скотт поднялся на ноги и толкнул растение. Гигантская колонна затрещала и рухнула, взметнув облако мелкой пыли.

С ножом в руке Скотт наклонился, чтобы срезать шуум. Но в этом уже не было необходимости. Из-за падения образовалась трещина, она шла от основания вдоль всего растения, следуя слабой выемке в оболочке. И шуум отвалился сам собой.

Люди в ужасе уставились на то, что скрывалось под ним.

Внутри беспомощно корчился частично сформировавшийся монопод. Его рудиментарное щупальце бессильно подергивалось, глаз был закрыт веком, внутренний насос трепетал.

Пока они рассматривали его, насос остановился, и существо перестало двигаться, став мертворожденным плодом.

— О боже, — прошептал Скотт. — Что я наделал!

— Ты совершил преступление, которое невозможно простить, — раздался глубокий голос позади них. Они обернулись.

В нескольких метрах поодаль высилась неподвижная фигура. Мор холодно смотрел на людей.

— Бэнкрофт, если бы я мог объяснить! Пусть он остановится на минуту, и я объясню, как все произошло. Какого черта они все

это скрывали?! Я же не сделал это специально.

— Слишком поздно для объяснений, — раздраженно ответил Бэнкрофт. — Теперь я понимаю, почему Мор не хотел, чтобы мы нашли это место. И пусть я знаю, что ты не потащил бы карамбиан на Землю, чтоб разводить их, как овец, из-за их шкур. Но он-то не знает. Черт, ты же сам нес чушь про земные шуум-фермы!

Величественная фигура Мора быстро продвигалась вперед. Он направлялся в деревню, не останавливаясь и даже не оглядываясь, уверенный, что люди следуют за ним. Всю дорогу через хлыст-рощу они молчали. Теперь зеленоватое свечение казалось жутким, даже кошмарным. Полупрозрачные качающиеся стволы выглядели чужаками, таящими в себе угрозу.

Скотт выдернул из кармана платок, протер очки, потом лоб, по которому струился пот. Он глянул на Бэнкрофта, затем на высокую фигуру впереди.

— Бэнкрофт, какой же я глупец! — сказал он. — Уже по маленьким дымящим грибам вполне можно было понять, что вся жизнь на этой планете проходит через однотипную базовую форму. Думаю, много веков назад более крупные дымящие грибы тоже превращались в мобильную форму жизни. Но сейчас слишком холодно, чтобы крупные растения могли вызреть — за исключением очень крупных, которые наращивают теплоизолирующий слой шуума, чтобы защитить развивающегося внутри монопода.

— Жаль, что ты не подумал об этом, перед тем как срубить растение.

Скотт не успел ответить. Мор неожиданно остановился и повернулся лицом к людям, спиной к деревне.

— Я буду говорить здесь. В деревне ничего не знают о нанесенном вами оскорблении, и я не хочу, чтобы они узнали. Друг Бэнкрофт, я знаю тебя, знаю твои слабые и сильные стороны. Ты не человек действия, скорее, ты человек бездействия, и именно это мне в тебе нравится. Следовательно, я должен признать, что тебе не хватило силы воли, чтобы пресечь то, что совершил Скотт.

Теперь что касается тебя, Скотт. Я собирался поступить с тобой настолько сурово, насколько позволяет закон нашей планеты. Но я не лишен милосердия, и я хорошенько подумал, пока мы возвращались. Я вспомнил Бэнкрофта и то, как в нашу первую встречу с присущим молодости невежеством он пытался обмануть меня с ценой на шуум. Потом я подумал о Бэнкрофте сегодняшнем. О том, насколько он не похож на тех, кого я видел на Земле. И я решил, что, получив шанс и несколько лет опыта, ты, Скотт, справишься. Возможно, я даже смогу тогда выпить с тобой курма. Но сейчас... ты пойдешь в свою хижину, соберешь вещи, и Бэнкрофт увезет тебя отсюда. Ступайте!

Мор повернулся к ним спиной и запрыгал прочь.

Деревня выглядела геометрически совершенной под стальным взглядом солнца. Скотт стоял внутри хижины, наблюдая за карамбианами: они занимались своими делами или разговаривали, собираясь группками. Один карамбианин трудился у старого колодца, вырытого между двумя хижинами. Пульсирование его брюшного насоса совпадало с его ударами по ручке помпы, качающей воду. Скотт отстраненно наблюдал за ним и задумчиво морщил лоб. Несмотря на то, что произошло на равнине, и скорое отбытие, он не растерял свое любопытство.

— Откуда появилась идея о ледниковом периоде? — внезапно спросил он.

Бэнкрофт перестал укладывать вещи в сумку:

— Не знаю. Ведь здесь холодает, поэтому и решили, что наступает ледниковый период. А разве нет?

— Загвоздка в том, — заявил Скотт, — что я не вижу, как может наступить ледниковый период на единственной в системе планете. Есть только один источник гравитационного воздействия. Чтобы начался ледниковый период, что-то должно повлиять на Карамбу, причем настолько сильно, чтобы ось планеты изменила угол наклона.

— Ну и ладно, — отрешенно согласился Бэнкрофт. — Значит,

ледникового периода не будет. Возможно, это утка оголтелого журналиста, который пытался расшевелить читателей. А может, из-за того что планета большая и светлая и у нее пористая поверхность, она быстро теряет внутреннее тепло через излучение. Но что это меняет? Карамбиане продолжают вымирать.

— Тогда почему моноподы не вызревают в коконах, как и положено природой? Их вид развивался на поверхности планеты, следовательно, должен быть приспособлен к перепадам температуры. Что тормозит их развитие на стадии растений?

— Почему... Что... — передразнил его Бэнкрофт. — Давай пока отложим научные рассуждения. Скотт, я устал. Лучше вернемся на корабль и выпьем.

Но Скотт продолжал наблюдать за карамбианином у колодца. Тот работал монотонно, размеренно. Когда его пластиковое ведро, ставшее колодезной принадлежностью после одного из визитов Бэнкрофта, наполнялось, он упрыгивал прочь, словно в замедленной съемке, бережно держа ведро на вытянутом щупальце и стараясь не сильно расплескивать и донести хотя бы половину содержимого.

— Господи, — прошептал Скотт, — вот и ответ.

— Ты готов? — спросил Бэнкрофт, поднимаясь.

— Бэнкрофт... — Скотт придержал пожилого человека за руку, продолжая шепотом. — Я все понял... я нашел ответ. Господи, Бэнкрофт, он же был прямо у нас под носом!

— О чем ты там бормочешь?

— О том, что случилось с карамбианами! Отчего упала рождаемость! — Голос Скотта повысился до возбужденного крика. — Я понял это, глядя на монопода у колодца!

— Давай, Скотт, рассказывай скорей. А то мне уже не терпится выйти.

— Хорошо... Хорошо... Как вам известно, земные растения имеют разветвленную корневую систему. Они используют процесс осмоса, который позволяет воде проникнуть через мембраны внутрь корней. Дальше вода поднимается по капиллярам в стебель.

— Да, это мне хорошо известно.

— На раннем этапе развития, будучи еще растением шуум, карамбиане, как и все остальные растения этой планеты, имеют только один корень без ответвлений. Корень явно слишком толстый, чтобы поднимать воду за счет капиллярного эффекта. Так как же он работает?

Бэнкрофт пожал плечами.

— Корень идет прямо вниз к системе подземных озер, залегающих под Великой равниной Ко. Помните, рек здесь нет? Ночные осадки должны куда-то уходить. Я думаю, они собираются на глубине под равниной и со временем возвращаются обратно в океан посредством подземных потоков. Колодец в деревне, должно быть, располагается над одним из таких потоков. Таким образом, корни спускаются вертикально вниз к подземным озерам, а вода поднимается вверх с помощью брюшного насоса! Он работает все время, даже на раннем, растительном этапе развития. Потом, когда сформировавшийся монопод выходит из шуум, его насос выполняет функции поддержки кровообращения и дыхания.

— Это я могу понять, — медленно произнес Бэнкрофт. — Но почему все-таки большинство моноподов не развивается?

— Мне кажется, что зародыши у карамбиан формируются, когда они стареют, аналогично тому, как цветут растения перед увяданием. Карамбиане закапывают тела на равнине. Тело гниет, и вода, просачиваясь через пористую почву к подземным озерам, уносит зародыши с собой. Зародыши прикрепляются к нижней поверхности купола подземного озера и развиваются, проталкивая вверх через почву удлиняющийся корень. Когда-то озера были теплыми, и большинство зародышей благополучно проходило этот этап развития. Но после охлаждения планеты и, соответственно, подземных озер лишь немногие зародыши развиваются полноценно. И даже когда их корни пробиваются к поверхности и начинается действительно сложный процесс, вместо теплой воды растения получают из глубины ледяную воду! Растения могут выдерживать колебания наружной температуры, но только самые

выносливые из них способны выдержать низкую температуру воды, которая закачивается в их внутренности!

Скотт закончил, задышавшись и глядя на Бэнкрофта в ожидании одобрения.

— Да-да, — коротко сказал Бэнкрофт, немного утомленный еще одной научной лекцией. Ох уж эти ученые! Растрачивают энтузиазм на теории, не имеющие никакого практического применения. А карамбиане тем временем вымирают...

— Не понимаете? — настойчиво спросил Скотт, когда Бэнкрофт, потеряв интерес, потянулся за сумкой. — Все беды карамбиан — из-за низкой температуры питающей их воды. А это всего лишь вопрос денег! Сколько на счетах у карамбиан?

— Миллионы. Ты же видел, как они живут. Не тратят ничего из вырученного за шуум. Деньги в Юнион-банке копятся столетиями.

— То есть они вполне могут позволить себе десяток-другой реакторов для подогрева подземных озер?

Последовала долгая пауза.

— Господи... — пробормотал наконец Бэнкрофт. — Почему я об этом не подумал? Это же так просто. Скотт, ты молодец, — неохотно признал он.

Скотт едва сдержал ликование. Наконец-то старик принял его сторону и понял, что от науки тоже бывает толк. Он чувствовал, что одержал победу.

— Может, пойдем к Мору прямо сейчас? По крайней мере, атмосфера отъезда будет не такой тягостной. Мор наверняка закажет реакторы. И вы неплохо заработаете на этих людях! — Он довольно рассмеялся.

— Людях? — переспросил Бэнкрофт с притворным удивлением. — Ты начал думать о них как о людях?

— Ну хорошо, ладно. Согласен, не все люди ходят на двух ногах... если вы это имеете в виду.

И Бэнкрофт понял, что тоже одержал победу.

Р26/5/ПСИ И Я

— Когда вы в последний раз выходили из своей комнаты?

Его губы двигались: толстые губы, не чувственные, но слегка надменные. В выговоре ощущалась какая-то цепкость, словно он пробовал на вкус каждое слово, отмечая всякий словесный мусор, прежде чем его речь достигнет ушей слушателей. Губы гармонировали со всем его лицом, широким, круглым и как следует откормленным. Он источал добродушие. Это был человек, умевший заводить друзей и правильно подбирать выражения в разговоре.

— Когда вы последний раз выходили из своей комнаты?

Его глазки, поблескивая между складок плоти, добродушно рассматривали меня. Они как бы говорили, что мне не о чем беспокоиться.

И я им поверил, так как это был путь наименьшего сопротивления.

— Кажется, в прошлом месяце, — ответил я.

— Время утратило всякое значение? — Он сочувственно кивнул мне.

На его покрытом кожей письменном столе лежала только одна папка — мое дело, и, открыв ее, он стал перелистывать страницы. Он начинал лысеть; я это заметил, когда он наклонил голову при чтении, — я еще задал себе праздный вопрос, беспокоит ли его это.

— Что вас беспокоит? — спросил он, сверхъестественным образом переиначив мои мысли. — Рождаемость, перенаселенность. Марс, проблема питания? Когда вы сидите в своей ком-

нате, появляется ли у вас ощущение, будто вас заперли? Что-то давит?

— Нет, — чистосердечно ответил я.

— Почему же тогда вы не выходите на улицу? — спросил он.

В его прямоугольном кабинете стены были желтые, а потолок — зеленый, и за спиной этого человека синело распахнутое окно, откуда открывался вид на крыши, теряющиеся в бесконечной дали.

— Так почему же вы не выходите? — спросил он.

— Видимо, потому, что не хочу. — Я не думал, что такой ответ его удовлетворит, но он зеленой шариковой авторучкой сделал пометку в лежавшей перед ним папке.

— При выборочной проверке на пульте управления Центральной выяснилось, что ваша дверь не открывалась вот уже два месяца. Вас нашли в кресле, рядом с горой еды, и 3-V был отключен. Поставили диагноз «хроническая апатия», я думаю, правильный диагноз, и привезли вас сюда.

— Чертовы стукачи, — пробормотал я так глухо, чтобы он не расслышал. Он-то был ничего, а вот Центральной я на дух не брал. Повсюду суют свой нос!

— Большой город, — продолжал он. Его звали Форд; это имя украшало маленький пластиковый значок на куртке. — В большом городе почувствовать одиночество проще простого. Людям, кажется, наплевать... Сколько вам лет, Джонсон? Тридцать? Тридцать один? Вы еще так молоды, что можете иметь друзей.

Я издал горький смешок. У меня были друзья! Те, что живут за ваш счет, пьют все, что у вас есть, захватывают все, что вам принадлежит, и доводят вас до безумия бесконечным нытьем по сверхпустяковым поводам.

— Я вполне удовлетворен обществом самого себя, — холодно заметил я.

Он как-то чудно поглядел на меня, приподняв одну бровь.

— Странно, что вы так сказали.

— Странно?

— Я так часто слышал эти слова от людей, сидевших на том самом месте, где сейчас сидите вы. Они говорили мне — по-видимому, совершенно искренне, — что они очень счастливы в обществе самих себя. Когда-то я им верил. Я отпускал их, предоставлял их самим себе, и через какое-то время они кончали жизнь самоубийством. Я знаю, бессмысленно говорить вам, чтоб вы взяли себя в руки, а потом отослать вас домой. Вы нуждается в лечении.

— В лечении? — нервно повторил я. До меня доходили слухи о Восстановительном центре для потенциальных самоубийц, о домах, где их объединяют в коллектив и вынуждают состязаться друг с другом — кто кого превзойдет, пока власти в мудрости своей не решат, что у этих людей вновь восстановлен интерес к жизни. Для меня это было бы невыносимо.

— Нет, только не Восстановительный центр — это уже последнее средство, и если я помещаю туда человека, значит, я потерпел поражение. Нет. За последнее время в этой области произошли кое-какие изменения, появились средства более гуманные, чем Восстановительный центр, и я предлагаю вам стать... гм... подопытным кроликом в серии испытаний, которые я провожу. Мне приятно сообщить, что успех обеспечен на сто процентов... Я собираюсь на какое-то время снабдить вас компаньоном. Кто-то должен поднять вам настроение. И запомните, что успех в лечении зависит главным образом от вас. Если вы не будете ладить с другими, то боюсь... — Он насмешливо ухмыльнулся, будто имел дело с душевнобольным.

Дверь отворилась, и в комнату вихляющей походкой вошла хорошенькая медсестра. Я тотчас же спросил себя, не она ли моя компаньонка, но надеяться на это было уже слишком.

— Уильямс, медсестра, — представил ее Форд. — Идите с ней, она вас протестирует. И, пожалуйста, не беспокойтесь, это нужно только для того, чтобы подобрать вам идеального компаньона.

За считанные минуты моя голова стала похожа на голову Ме-
дузы Горгоны — на ней сплелись электроды. Уильямс в совершенстве знала свое дело.

Я снова лежал в кресле и блаженствовал. Хорошо было вновь оказаться дома, в своем уголке — в нише уютно белесет невключенный экран 3-V и в комнате царит гробовая тишина.

Стук в дверь. Что-то уж слишком скоро? Я взглянул на часы и с легким удивлением обнаружил, что недвижимо просидел почти пять часов. Пора было обедать. Я нажал на кнопку доставки, и за дверцей едоматики послышался звон. В воздухе запахло чем-то вкусным.

В дверь продолжали стучать. Я со вздохом предоставил едоматику самой себе и устало поднялся с кресла. Открыв дверь, я увидел в коридоре высокую фигуру, всю в темном, с на редкость невыразительным лицом. В наше время таких хоть пруд пруди, но это лицо было особенно невыразительным.

— R26/5/ПСИ, — доложил посетитель. — Я ваш компаньон и верю, что мы с вами чудесно поладим. Может, вы станете называть меня Боб, мистер Джонсон?

Я не назвал своего имени — мне не очень улыбалось, чтобы со мной фамильярничал какой-то проклятый робот.

— Входи, — сказал я коротко и недружелюбно.

Он повиновался, но что-то в его манере держаться тотчас же вызвало у меня раздражение. Он уверенно прошагал в комнату и молча осмотрелся по сторонам, словно был здесь хозяином. При этом вид у него был страдальческий, словно в воздухе пахло чем-то прогорклым.

Затем пересек комнату и сел в мое кресло.

Только потом я осознал, что мне нужно было сразу же дать ему отпор. В конце концов, он был лишь машиной. Мне бы следовало самым тактичным образом заметить, что он занял мое кресло. Я уверен, что он бы охотно встал.

Вместо этого я расслабился и сел в другое кресло, пылая не-

навистью к роботу.

— Надеюсь, мы с вами поладим, мистер Джонсон, — вежливо повторил он, рассеянно открывая дверцу едоматики и вытаскивая тарелку с мясным пирогом. Я и не знал, что роботы едят.

— Так это для тебя дело привычное, да? Я имею в виду — расхаживать туда-сюда и поднимать настроение у людей? Надо полагать, в тебя каждый раз вводят новую программу в соответствии со вкусами очередного клиента? — Я хотел напомнить этому типу, что самым своим существованием он обязан человеку.

— Это правда. Я запрограммирован на то, чтобы общаться с потенциальными самоубийцами наиболее эффективным образом, учитывая наличие у данного индивидуума интеллекта или отсутствие оно.

Он замолчал, а я весь вскипел от злости, услышав такую бестактную формулировку. Довольно долгое время я сдерживал себя, а он, казалось, не хотел ввязываться в разговор.

Внезапно робот повернулся ко мне.

— Я думаю, мы с вами поладим, — сказал он.

Потом опять наступила томительная пауза.

Я ждал, что он будет душой общества, что он начнет острить, подшучивать надо мной, покровительственно похлопывать по спине, — и при мысли об этом содрогался от страха. Однако неестественная тишина была и того хуже. Я, так сказать, не получал по векселям. Я ждал от него действий, а этот робот, похоже, страдал еще более хронической апатией, чем моя.

Но вот он вздохнул, вжался в кресло и лениво отворил дверцу, скрывавшуюся у него под нагрудным кармашком. Я удивленно наблюдал за тем, как он перевел на маленьком пульте ручку в положение «минимальная мощь», закрыл створку и расслабился.

Он сам себя отключил! Я толчком подвинул свое кресло поближе к нему и толкнул его под ребро.

— Эй! — крикнул я роботу прямо в ухо.

Через изрядный промежуток времени его рука, словно при замедленной съемке, нервно сдвинулась с подлокотника, поползла

по телу, нащупала створку и повернула ручку, установив стрелку на «максимальную мощь».

Глаза его тотчас открылись, и он выпрямился.

— Да? — мгновенно отреагировал он.

Я позабыл, что хотел сказать. Он буравил меня глазами, и выражение лица у него было точь-в-точь как у Форда, психоаналитика, — бдительное, но дружелюбное.

— А я и не подозревал, что роботы едят, — наконец еле слышно выговорил я.

— Конечно, в этом нет нужды, — ответил он. — Но когда возвращаешься в обществе, к чему не привыкнешь! Да это еще что! Меня сконструировали так, что я умею оценить вкус пищи. Пирог был восхитительным!

— Я рад, что он пришелся тебе по вкусу, — ледяным тоном произнес я. — А я-то сам собирался им полакомиться.

— О, извиняюсь! — воскликнул он. — Боюсь, что по части этикета я не очень сведущ.

Он нажал кнопку едоматики и вскоре вытащил из желоба доставки и вручил мне тарелку с сэндвичами, тут же схватив один из них и забросив его себе в рот.

— Послушай, — сказал я, пытаюсь говорить как можно более спокойным тоном. — Покуда ты здесь, у меня, не мог ли бы ты отказаться от этой привычки? Я не возражаю, чтобы ты подключался к сети для перезарядки, конечно, не в часы пик, но еда — продукт дефицитный. Пойми же, мы с тобой съели все, что мне положено на сегодняшний день!

Вы думаете, я заметил у него хоть какие-то угрызения совести? Ничего подобного!

Я пошел спать в еще более угнетенном состоянии, чем когда-либо, и прескверно провел ночь. Каждый раз, просыпаясь, — а это было частенько, — я слышал жужжание, подобное монотонному храпу — мой робот подзаряжался.

Проснувшись, я только через десять минут вспомнил о существовании P26/5/ПСИ. Я лежал в постели, рассматривая трещины

на потолке. Я всегда позволял себе роскошь по утрам около часа проводить в воображаемом мире.

Однако это длится недолго. Я должен сделать над собой усилие, чтобы встать, пойти в туалет и одеться, — иначе я могу проваляться в постели целый день.

Больше всего меня угнетала бесцельность моего существования. Вставал я, повинуюсь только самоконтролю, — с тем же успехом я мог бы валяться в постели. Делать было совершенно нечего.

Когда я, рассматривая неровные треугольные трещины на потолке, начал сочинять свою первую сказочку на эту тему, я вдруг вспомнил о роботе, который, наверное, все еще сидел в моем кресле. Я постарался сконцентрировать внимание на трещинах, но ничего хорошего из этого не вышло. Я по-прежнему думал о роботе и хотел узнать, о чем думает он.

Или он совсем не думает, а просто отключился и лежит себе в кресле — обесцененная модель устаревшей конструкции, и на него только зря тратят общественные фонды?! Я взволновался не на шутку. Он бы должен по меньшей мере принести мне завтрак в постель.

— Что ты там поделываешь? — крикнул я ему через ширму, которая отделяла мою кровать от остальной части комнаты.

— Разглядываю трещины на потолке, — ответил он. Кровь бросилась мне в лицо. Вчера вечером он уже вызвал у меня такой приступ ярости. Я сидел в «гостевом» кресле, а он — в моем, и внезапно я заметил, что он постукивает кончиками пальцев по обивке кресла. Я чуть было не поднял голос протеста, когда обнаружил, что сам постукиваю кончиками пальцев по обивке, и уже довольно давно! Этот убудодок передразнивал меня!

— Какого же черта ты разглядываешь трещины? — закричал я.

— А из интересу, — ответил он. — Я нахожу, что это хорошая тренировка для ячеек моего мозга. Да, откровенно говоря, и делать-то особенно нечего. Почему вы не встаете?

Я успокоился. Он не мог знать, чем я занимаюсь; это было

простое совпадение.

— Предстоит еще один томительный день, — рассеянно про-
бормотал я себе под нос.

— После того как вы всю ночь проспали, у вас нет никаких
причин чувствовать себя утомленным, — раздраженно отозвался
он. — У вас, видно, что-то не в порядке.

— Потому-то ты и здесь, — ответил я, стараясь не сорвать-
ся. — Ты должен привести меня в порядок.

Я всегда бываю несколько возбужден сразу же после вста-
вания.

— Неправда. Я здесь для того, чтобы доказать вам, что вы в
полном порядке.

— Ради бога! — Я выскочил из-за ширмы, весь кипя от него-
дования. Сначала ты сказал, что у меня что-то не в порядке, а по-
том говоришь, что ничего подобного. Тебе нужно наладить логи-
ческие цепи!

— С логикой у меня все нормально! — разозлившись, он вско-
чил и сжал кулаки. Мне оставалось надеяться, что он все еще
помнит Первый закон роботехники. — Вы симулянт, поглотитель
общественных фондов! Хотите получить кулаком по носу?!

Двумя прыжками я пересек комнату.

— Ты что, сам захотел по носу? — взвыл я, забыв и о самом
себе, и об азимовских законах.

Внезапно он сел.

— Простите, — немного помолчав, пробормотал он. — Не
знаю, что со мной. После перезарядки мне нужно какое-то время,
прежде чем начать работать нормально.

Я стоял над ним, все еще сжав кулаки, ошеломленный этой
неожиданной переменой. Он уставился на стену, время от време-
ни вздрагивая. В комнате было очень тихо. Я чувствовал себя по-
дурачки. Я не совсем понимал, что это на меня накатило. Передо
мной был лишь R26/5/ПСИ, и я как-то не представлял себе, что
он может меня передразнивать.

На следующей неделе дела пошли все хуже и хуже. Тем не ме-

нее я опять уселся в свое кресло — просто при первом же удобном случае потребовал, чтобы он его освободил. В конце концов, должен же робот повиноваться прямым приказам! Но тот уступил на редкость неохотно и умирил свою гордость тем, что стал расхаживать по комнате, а потом включил 3-V.

Мне не по душе 3-V; слишком уж натуралистично. Это все равно что впустить в свою комнату живых людей, словно мало того, что сам робот основательно вторгся в мои владения. Теперь, когда он сидел за моей спиной, а вереница идиотов из какой-то многосерийной передачи для домохозяек разыгрывала в углу реалистическую драму, все это вообще стало непереносимо. Я бы опять — в который раз — попросил его выключить 3-V, и он бы, конечно, повиновался. Но очень скоро он бы втихую снова все включил.

К концу первой недели ему, как это ни странно, вдруг наскучил 3-V, как раз тогда, когда у меня только-только пробудился интерес к передачам. Мы поменялись ролями. Он стал выключать 3-V, а я с радостью встречал персонажей передач, только чтобы не видеть его невыразительной физиономии.

Примерно к этому времени я разобрался, что же происходит.

В намерения пси-отдела не входило дать мне друга и компаньона.

Робота послали ко мне, чтобы я совсем спятил. Нет, лучше все, что угодно, только бы не сидеть с ним в одной квартире.

Что же, стану разъезжать и осматривать достопримечательности, делая вид, будто это доставляет мне наслаждение. Для начала прокачусь завтра за город. Это утомительно, но необходимо же произвести должное впечатление на пси-отдел.

Через несколько дней Р26/5/ПСИ убедится в том, что он выполнил свою задачу и, упоенный успехом, доложит, что я вне опасности.

В конце концов они заберут робота и оставят меня в покое.

Но разве у таких простых смертных, как я, что-нибудь когда-нибудь происходит в соответствии с их планами?

В этом огромном городе, где каждый человек каждую минуту находится под контролем, на долю случая остается очень мало. Горит жилой квартал? Движение направляется по другим улицам, и в считанные минуты прибывает пожарная команда. Массовая эпидемия? Мгновенно разыскивают докторов, удваивают, утраивают вместимость больниц. Никогда нигде не бывает беспорядка.

Поэтому рок, загнанный в угол, отыгрывается на таких беспомощных существах, как я.

День выдался прекрасный, и я уже предвкушал длительную поездку за город — путешествие по кольцу примерно в сто миль. Это займет весь день, и я подумал, что буду хоть одним днем меньше находиться в компании Р26/5/ПСИ. Я представил себе, как он сидит там, в квартире, отключенный, вялый, в то время как я гоню вдоль холмов и деревьев в приятном одиночестве.

— Ну как, готовы? — Он стоял за моей спиной.

— К чему?

— К поездке за город, — сказал он с участливым видом. — Вы говорили, что мы сегодня поедem.

— Я собирался ехать один, — ответил я с достоинством, надевая пальто.

— Я не могу этого допустить. Сожалею, ни должен вас сопровождать. Поймите, что сегодня вам нельзя ехать одному.

— Но мне намного лучше, — запротестовал я. — А если так, я вообще никуда не поеду.

— Возможно, вы замышляете самоубийство, — пронизательно заметил он. Мой долг — сорвать ваши планы.

Я уступил. Больше мне ничего не оставалось. Если бы я продолжал настаивать на том, чтоб ехать одному, и постарался бы запереть его в квартире, он бы силой заставил меня подчиниться.

Мы уселись в машину, я перешел на ручное управление и стал плавно набирать скорость — совсем неплохо, если учесть, что я последний раз вел такую машину по меньшей мере три года назад.

Мы проехали примерно четыре квартала, прежде чем я понял, что робот использовал двойное управление и машину ведет он, а не я.

Когда мы проехали еще полмили, я заметил кнопку, которая отключала контроль. Я нажал на нее.

— Вы понимаете, что пока мы не вышли за пределы города, машина должна находиться под Дорожным Контролем? — проскрежетал он, нажимая на бесполезные теперь тормоза.

— Да, — с удовлетворением ответил я.

— Я буду вынужден применить силу. — Он подвинулся ко мне и потянулся к рулю. — Ради вашей же пользы.

— Только попробуй, — ответил я. Мне было уже все равно.

Впереди виднелся перекресток. Когда он стал отрывать мои руки от руля, я нажал на акселератор.

Машина внезапно с неистовым скрежетом остановилась. Прямо перед нашим носом оказалась другая машина, и нас всех основательно заклинило.

Лицо женщины, сидевшей в чужой машине, скривилось.

— Что вы делаете, черт возьми?! — крикнула она, перекрывая уличный шум.

— Очень жалею, что мой друг временно утратил контроль над собой, — проблеял Р26/5/ПСИ.

Она переключилась с меня на смешавшегося робота.

— Вы хотите сказать, что вы сидели и спокойно смотрели, как этот человек в пределах города перешел на ручное управление? — возмутилась она. — Какой у вас номер, робот?

— Р26/5/ПСИ, — быстро ответил за него я. — Но робот не совсем виноват. Я отдавал себе полный отчет в том, что делаю, и, конечно, не позволил бы никаких безумств. Но он мне надоел до смерти, и я взбунтовался. К сожалению, на нашем пути оказались вы. Очень жалею, — заключил я с обезоруживающей улыбкой.

Верный принцип — когда тебя прижали к стенке, сваливай вину на робота, у него плечи пошире твоих.

Она взглянула на меня с внезапным интересом, почти друже-

любно.

— Представляю, каково было вам, — сказала она. — Но ведь моя машина разбита — здесь уж ничего не изменишь.

Прибыли представители закона.

— Приношу извинения да этот неприятный эпизод, офицер, — быстро проговорил я. — Давайте будем считать его доказательством того, что машины, слава богу, не всегда непогрешимы. Ведь мысль о том, что они, подобно нам, могут в некоторых случаях ошибаться, как-то успокаивает, вам не кажется?

Плоское лицо полицейского было невыразительным.

— Может быть, — заметил он, вытащив блокнот.

— Имя?

— Джонсон Хьюго. 18659244.

— Одну минуточку, офицер. — Это опять заговорила девушка, и ее улыбка явно произвела на полисмена большее впечатление, чем моя. — Нужны ли формальности? Я ничего не имею против этого человека.

У нее были короткие светлые волосы, и тут я вдруг заметил, что она очень недурна собой.

Через пятнадцать минут прибыла аварийная команда, и мы предоставили им делать свое дело, а сами пошли пешком ко мне чего-нибудь выпить. Р26/5/ПСИ с унылым видом тащился следом за нами.

— А что это за робот, Хьюго? — спросила Джоан. — То есть я хочу спросить, почему он при вас?

— Я присматриваю за ним как друг, — я сказал это громко, полуобернувшись к Р26/5/ПСИ, чтобы он услышал, и со значением поглядел ему в глаза.

— Он помогает по дому?

— Ну... Не стоит говорить о роботе. Давайте лучше поговорим о вас. Расскажите мне о себе. Где вы живете? Что делаете? Чем интересуетесь? — Я засыпал ее вопросами и, взяв за руку, ввел в свое парадное. Мы поднялись по лестнице, и я пропустил ее вперед в дверь своей квартиры, думая о том, как давно девушки

переступали в последний раз мой порог.

К несчастью, P26/5/ПСИ воспользовался моей задумчивостью, чтобы прошмыгнуть мимо меня, и со старомодной учтивостью указал Джоан на кресло. Конечно, на мое кресло. Она поблагодарила и села. P26/5/ПСИ окинул ее отталкивающе похотливым взглядом.

На какое-то время я оказался вне игры, потому что они начали болтать, как старые друзья. Когда я наконец отважился вставить словцо, надо признаться, невпопад, то Джоан взглянула на меня как на пустое место, потом опять повернулась к роботу и продолжала оживленную беседу с ним о положении работающей девушки.

— Приготовь нам чего-нибудь выпить, — внезапно скомандовал я.

Он стал возиться у стойки распределителя, а Джоан глядела на него, и я глядел на Джоан.

— Ну, и как вам моя комната? — в отчаянии спросил я, пытаюсь хоть как-то завязать разговор.

— Неплохая комната, — ответила Джоан. — Правда, кое-что здесь малость потертое.

— Ваш стакан, мадам. — Робот низко нагнулся к Джоан, и, вручая ей стакан, позволил себе ненадолго задержать другую руку на ее плече.

О чем, черт возьми, он думал, по-идиотски скалясь ей прямо в глаза? И почему она посылала ему ответные улыбки? Конечно, она знала, что роботы всего лишь машины, лишённые эмоции.

— P26/5/ПСИ, кончай свои штучки! — зарычал я. — А почему ты мне ничего не налил? У тебя ячейки памяти расплавились, что ли?

— Простите, Джонсон, — проскрипел он. — Я просто в восхищении от линий тела мисс Пиллинг — они в точности соответствуют идеальным женским формам, на распознавание которых я запрограммирован.

— Спасибо, Боб. — Джоан сделала попытку покраснеть.

Именно в этот момент долго копившееся раздражение прошедших недель взорвалось, как сверхкритическая масса урана-238. Эта глупая девка строила глазки роботу! И не просто роботу, но машине, в течение многих дней использовавшей все свои умственные возможности — и не без успеха — для того, чтоб вырыть мне яму.

В этом последнем испытании «человек против машины» — в сексе — негодяй снова одержал верх!

— Господи! — воскликнул я. — Да разве можно вынести, чтобы робот болтал подобное в моей собственной квартире? Да понимаешь ли ты, — начал я убеждать Джоан, — что это всего лишь дурацкая машина? Скопище колесиков и цепей, совершенно неспособное к эстетическим оценкам? Ха-ха, он еще решается строить тебе глазки! Да неужели ты, бестолочь, не можешь понять, что ты для него — всего лишь глыба органического вещества, кусок мяса, да при этом еще и не слишком чистый!

— Не чистый! — Джоан была уже на ногах.

— По сравнению с ним, я хотел сказать. Ведь он стерильный. И не только в одном смысле слова!

Я тоже вскочил на ноги. И тут на мое плечо опустилась рука, стальные пальцы, обтянутые пластиком вместо кожи, впились в мое тело.

— Я сожалею, что вынужден применить к вам силу, — послышался сзади хриплый голос. — И я должен сообщить мисс Пиллинг, что вы находитесь под моей медицинской опекой. Вы слишком возбуждены и можете причинить ей вред, если вас не обуздать.

— Приятно, что вы хорошо выглядите, мистер Джонсон. Я и вправду очень доволен.

Я сидел напротив Форда, удивляясь тому, как быстро прошло время. Все в его кабинете выглядело по-прежнему, и у меня появилась безрассудная мысль, что с моего предыдущего визита он так и не сдвинулся с места, что он и его комнаты были опеча-

таны.

— Да, — медленно ответил я.

Но, конечно, он был прав. Я вылечился. Теперь меня должны освободить от компании Р26/5/ПСИ. Я уже предвкушал, что в моей комнате будут еще девушки, чем больше, тем лучше, и чувствовал, что в следующий раз я получу истинное наслаждение от поездки за город.

Я мог бы даже прихватить с собой за город старика из соседней квартиры. Странно, что я до прошлой недели ни разу не встретил его, а мы ведь годами жили бок о бок. Последние дни мы часто вели интересные разговоры — после первого робкого визита, который я ему нанес, чтобы посоветоваться, как бы мне хоть на один вечер избавиться от Р26/5/ПСИ.

— Как вы ладили с вашим роботом? — спросил Форд.

Я уже хотел было дать какой-нибудь уклончивый ответ, но потом сообразил, что дурачить этого человека ни к чему.

— Плохо, — сказал я.

— Хорошо, — сказал Форд. — Я полагаю, вы догадались, в чем состоял наш замысел?

— А что тут долго думать?

— Скажите мне. — Форд вынул ручку и открыл мое дело, — как Р26/5/ПСИ справлялся со своей работой? Мне бы хотелось иметь точные сведения для будущих рекомендаций...

— Трудный тип. Ну, знаете, упрямый, как осел.

— У вас у самого довольно упрямый нрав, мистер Джонсон. — Форд сделал отметку в досье. — Робот был запрограммирован на то, чтобы реагировать персонально на вас.

— Потом он стал меня передразнивать, — продолжал я, — а под конец совсем взял надо мной верх... И — только этого еще не хватало, — тут я почувствовал, что заливаюсь краской, — он начал строить глазки девушке, которую я привел к себе домой!

Внезапно Форд откинулся на спинку стула, посмотрел на меня своими блестящими поросячьими глазками и начал испускать жирные смешки. Он весь трясся и, вынув из кармана платок, про-

мокнул глаза. Я ждал, пока он кончит смеяться, и злился. Я и не думал, что все это настолько забавно.

Я так прямо и сказал:

— В тот момент мне было чертовски не по себе. Он в ее присутствии брал надо мной верх. Кстати, как это вы программируете, чтобы робот строил глазки девушке? Ведь это бессмысленно! Какую же, черт возьми, программу вы умудрились в него ввести?

Произнеся эти слова, я понял, что к чему.

Понятное дело, Форд, восхищенный своей маленькой психологической шуточкой, пустился в объяснения. Я бы не смог его остановить, даже если бы попытался это сделать.

— Ну да, робот строил глазки вашей девушке, — прокудахтал он. — Само собой, он возбудил в вас гнев и другими своими поступками — тем, что он передразнивал вас и садился в ваше любимое кресло, — так уж он был запрограммирован.

Когда медсестра Уильямс тестировала вас, она просто-напросто подсоединила P26/5/ПСИ к выходному отверстию и прямо передала ему вашу мозгограмму. Помните, как несколько недель назад вы мне сказали, что любите общество самого себя? Этот робот обладал почти точной копией вашего собственного мозга! Вы-то этого не знали, но робот должен был вывести вас из состояния апатии одной этой дьявольской идентичностью!

Я встал. Мне нечего было больше здесь делать.

Но, конечно, за Фордом осталось последнее слово.

— Как вам все это понравилось, мистер Джонсон? — крикнул он, когда я уже закрывал дверь. — Последние три недели вы жили в обществе самого себя!

СКОЛЬКО СТОИТ РУФЬ ВИЛЬЕРС?

В этот час зрителей было мало. У забора, отгораживающего прямоугольный участок каменистой осыпи, собралась лишь небольшая группка «стервятников». Сквозь сумерки мелкими каплями сочился легкий моросящий дождь, но и этого было достаточно, чтобы погасить энтузиазм большинства туристов, даже самых рьяных. Изредка шелкала камера, фиксируя на бромиде серебра изображение заброшенной ямы, напоминающей спуск в каменоломню на склоне холма, и ничем не примечательной, если не считать деревянного сарая, построенного вокруг выхода шахты на поверхность. Положив локти на новенькую ограду, я стоял там же, где и туристы, хотя в отличие от них имел право пройти туда и зайти в сарай, если мне захочется.

Но я этого не делал. Стоял снаружи, как будто я такой же турист. Спуститься в яму и войти в сарай, нарушив безлюдье обнесенного участка, — значило выдать себя. Зрители стали бы меня разглядывать, задавать вопросы, пока я спускаюсь вниз, и кто-нибудь обязательно опознал бы меня по фотографиям, публиковавшимся в газетах последние несколько месяцев.

Тогда они поймут, что перед ними человек, оставивший умирать Руфь Вильерс. Они дождутся, когда я поднимусь обратно, и в их лицах я прочту обвинение. «Убийца!» — будет клеймить каждый взгляд...

Шесть месяцев назад я спокойно сидел в своем кабинете — в достаточной степени удовлетворенный всем человеком без особых проблем. Если память мне не изменяет, в тот день я занимался

небольшим вопросом, касавшимся повышения Кредитной Значимости местного водопроводчика. Моя работа как раз и состоит из подобных случаев. Для того чтобы с ними справляться, достаточно иметь минимум здравого смысла плюс несколько лет опыта. Шесть месяцев назад я не считал свою работу тяжелой, но шесть месяцев назад я еще не повстречался с Руфь Вильерс. Собственно говоря, я до сих пор не видел ее в лицо, хотя очень хотел бы...

Водопроводчик в безукоризненно чистой спецовке сидел напротив меня и машинально мял в руках свою кепку, словно пытался отжать из нее воду.

— Мой доход за прошлый год, мистер э-э-э... — он взглянул на табличку на моем столе, — мистер Арчер, составил одну тысячу триста семьдесят кредиток.

Вид у него был несколько обиженный. Они все так выглядят. Стандартный прием моего типичного посетителя — этакое безнадежное выражение лица, как будто он один обречен на бедность в мире изобилия.

— Вы полагаете, вашу Кредитную Значимость надо повысить? — спросил я, прекрасно зная, что именно так он и полагает, но шесть месяцев назад мне еще доставляло удовольствие наблюдать, как люди вымучивают из себя ответ.

— Да, — ответил он робко и в то же время агрессивно, словно загнанная в угол овца.

Я придвинул к себе его дело, раскрыл и нарочито неторопливо надел очки. Насчет дохода он был прав. Черным по белому — 1370 кр. В полном соответствии с документами Налогового Управления.

Я взял шариковую ручку и еще раз пересчитал сумму.

Значимость по заработку, соответствующая,	
годовому доходу, увеличенному на 50 %	2055 кр.
Основная Индивидуальная Значимость	
(«Право по рождению»)	600 кр.

Итого: 2655 кр.

Похоже, у этого маленького нервного водопроводчика действительно есть основания. Придется передвинуть его сразу на две ступени до Кредитного Уровня Общественной Значимости в 2500 кредиток. Должно быть, он надрывался весь год, бедолага, и теперь хочет получить что-то вроде вознаграждения в виде повышения статуса.

— Разберусь, — пообещал я. — Мы вам сообщим. Следующий!

Я нажал кнопку на столе, лишая его всякой возможности сказать что-нибудь еще. Он пятился до самой двери, будто я какая-нибудь королевская особа. Но вместо следующего посетителя, запыхавшись, вбежал мой секретарь Эклес.

— Мистер Арчер, несчастный случай! — произнес он, переводя дыхание.

У нас подобные вещи случаются чуть ли не каждый день, но Эклес до сих пор не мог к этому привыкнуть. Он панически боялся вычислений по заявкам на повышение и, может быть, поэтому все еще служил у меня клерком вместо того чтобы самому управлять таким же районным отделением.

— Давайте его сюда, — сказал я спокойно, ожидая увидеть перед собой какого-нибудь убитого горем пенсионера, желающего получить аванс на похороны жены. Сюда часто приходят скорбящие родственники, назойливо добивающиеся выплат, но, как мы с Эклесом порой говорим в шутку: «Скорбь — понятие относительное», — и каждый случай разбирается и оценивается по строгим правилам. Горестные слезы далеко не всегда застилают человеку глаза настолько, чтобы он не смог разглядеть личной выгоды, и, как правило, чем больше слез, тем больше из нас хотят вытянуть.

— Э-э-э... Этот случай связан не со смертью, мистер Арчер, — пояснил Эклес. — Это заявка по настоящему несчастному случаю. Близких родственников нет. Только этот парень... Зовут Джек Гриффитс. Друг заявительницы.

— О господи! — С секунду я соображал. — Ладно, давай его

сюда.

Надо же, чтобы именно сегодня, когда Форбс может приехать с минуты на минуту, поступила заявка по несчастному случаю!

Форбс, я должен пояснить, — это наш региональный директор. Его работа, которой, я полагаю, он очень доволен, заключается в том, чтобы ездить по управлениям своего округа и устраивать служащим тяжелую жизнь. Любимое его занятие состоит в перекапывании служебных дел чуть ли не с увеличительным стеклом в поисках доказательств, что, скажем, я, будучи излишне сентиментальным, потратил из государственных фондов больше, чем полагалось...

Здесь, поскольку, я думаю, не все знакомы с принципами работы Департамента Общественной Значимости, необходимо объяснить подробнее.

Например, человек ложится в больницу, и ему предстоит дорогостоящая операция. Возникает очевидный вопрос: стоит ли пациента лечить, исходя из ценности, которую он представляет для общества? Больница высылает мне заявку с указанием сметной стоимости операции. Я связываюсь с Национальным Банком и узнаю, что пациент имеет на сегодняшний день сбережения в сумме, например, 2000 кредиток. Затем я проверяю по своей картотеке и выясняю, что Кредитный Уровень Общественной Значимости пациента оценивается, например, в полторы тысячи кредиток. Следовательно, ценность этой личности для общества равняется 3500 кредиток. Ни больше ни меньше.

Много лет назад, еще в двадцатые годы, существовала Национальная Служба Здоровья, и все докторские и больничные счета оплачивались государством. Были и другие социальные выплаты: пособие по безработице, пенсия по старости и т. п. Другими словами, людей активно поощряли проводить время в больницах или вне работы по разным причинам и совсем не заставляли делать собственные сбережения на период после прекращения трудовой деятельности.

Оппозиционеры порой утверждают, что мы, мол, стоим за выживание наиболее пригодных, но мы предпочитаем относиться к Дарвинистской системе как к системе, дающей каждому справедливый шанс в полном соответствии с его способностями.

Это красивая система, просто идеальная для нашей страны, где все теперь принадлежит государству, в отличие от других, менее прогрессивных стран, которые я мог бы назвать. Единственная личная собственность у нас — это КУОЗ и накопленные сбережения в Национальном Банке. В случае смерти сбережения переходят государству.

Теперь вы понимаете, что я имею в виду, когда говорю об искушении проявить излишнюю симпатию, подстерегающем нестойкого Офицера-Оценщика.

...Так вот, входит друг заявительницы, этот Джек Гриффитс. Выглядит весьма встревоженно.

— Чем могу вам помочь, мистер Гриффитс? — спрашиваю я официальным тоном.

— Дело не во мне, — замямлил он. — Моя подруга Руфь... Руфь Вильерс. Несчастный случай...

— М-м-м. Строго говоря, я уполномочен иметь дело только с заявителем лично. Иначе все мы с легкостью тратили бы чужие деньги, разве не так? Вам придется отвести меня к ней. Вы должны понимать, что эти вещи нужно делать по правилам.

— О господи!

Он, бедняга, был просто убит моими словами. Я представил себе эту Руфь Вильерс с переломом обеих ног в какой-нибудь далекой больнице, лишенную возможности получить медицинскую помощь в объеме большем, чем самый элементарный уход, до тех пор, пока не будут выполнены формальности. В таких случаях я порой думаю, что систему следовало бы чуть смягчить, позволив каждому резервный кредит, например, в 200 кредиток.

— Ну и где она? — спросил я.

Он прикусил губу, мучаясь от неуверенности.

— Вы не можете с ней увидеться, — сказал он наконец. — На старой шахте Уил Пентайр произошел обвал. Думаю, Руфь в порядке, но я не смог к ней пробраться. Она должна быть почти у поверхности: там большая камера с гранитными стенами. Они не могут обрушиться. Но весь входной тоннель рухнул, и она осталась внутри.

Так началась эта история с Руфь Вильерс, и, как другие запутанные проблемы в нашем деле, она на первый взгляд казалась простой. Требовалось съездить на шахту Уил Пентайр — заброшенные разработки около Камберн-Редрута — и быстро провести экспертную оценку ситуации. Затем решить: оправданно или неоправданно будет откапывать оставшуюся там девушку. Очевидно, я был вправе отнести ее друга к «ближайшим родственникам».

Двумя часами позже мы с Джеком Гриффитсом, оба в тяжелых пальто, стояли у входа в шахту, прячась за поднятыми воротниками от злого ветра. И почему это раньше для копеек всегда выбирали такие заброшенные места? Когда я вижу эти почерневшие печи, разбросанные тут и там среди унылых холмов, то всегда представляю себе угрюмых корнуольцев, с извращенным наслаждением выгрызающих из земли олово.

По сравнению с другими шахтами Уил Пентайр была не особенно велика. Место спуска обозначалось сгнившими останками сарая и ржавой узкоколейкой, что подходила к крутому склону холма и исчезала под грудой обвалившегося камня.

— Мы тут гуляли, — с напряжением в голосе пояснил Гриффитс, завороченно глядя на камни. — Раньше тоже часто здесь бывали, ходили по тоннелю почти до середины холма... Руфь побежала вперед, я — за ней. Я слышал ее смех далеко впереди, но потом ударился о подпорку...

Он продолжал рассказывать дальше. Как, подгнивая с годами, крепь сдвинулась и затрещала. С потолка упало несколько камней, и почти сразу за ними последовала ревущая лавина. Он едва

успел отскочить.

В голосе его слышались горькие нотки, и я чувствовал, что он осуждает себя. Как будто думает, что должен был сделать что-то еще, а не просто спастись и броситься за помощью. И говорить ему, что он действовал единственно верным в такой ситуации образом, было бесполезно: он убедил себя, что в чем-то виноват.

Короче, произошел обвал, и где-то там, в заваленной шахте, осталась Руфь Вильерс, возможно живая и здоровая, но в двухстах ярдах от входа в шахту. Обвал казался значительным: по голому склону холма проходила длинная полоса осевшей земли.

Гриффитс разглядывал меня широко раскрытыми глазами, ожидая решения, которое будет означать жизнь или смерть его подруги.

— Вы можете что-нибудь сделать? — спросил он наконец.

Я уже проверил Руфь Вильерс по картотеке Общественной Значимости и установил, что ее Кредитный Уровень равен 1200 кредиткам. Ей было всего семнадцать лет. Работала она в Южно-Восточном Сельскохозяйственном Центре в должности всего шестой категории, и поэтому годовой доход ее составлял только 400 кредиток. Следовательно, значимость по заработку (доход, умноженный на 1,5) равнялась 600 кредиткам, плюс еще Основная Индивидуальная Значимость в 600 кредиток. За 1200 кредиток, может быть, что-то и удастся сделать.

— Надо привезти инспектора, — сказал я Гриффитсу. — Но мне кажется, если доставить сюда экскаватор типа «Гекс 2/6Р» и вырыть яму вон там, — я указал на точку примерно в пятидесяти ярдах от того места, где кончался след обвала, — мы сможем проникнуть в тоннель сбоку без того, чтобы вызвать новый обвал. Будем надеяться, что она жива... Там достаточно воздуха?

— Я думаю, да. Тоннель переходит в довольно большую камеру.

— Придется ей пока голодать. На 1200 кредиток мы не сможем пробить еще и колодец. Кстати, у нее есть сбережения?

— О да! — восторженно воскликнул он. — Мы откладывали деньги к

свадьбе. На ее счету в Национальном Банке около 300 кредиток.

— Хорошо. Значит, всего получается 1500. Я думаю, с такой суммой мы справимся, — произнес я, чувствуя себя Богом. — Сейчас мы отправимся обратно и все подсчитаем.

— Как скоро мы ее вызовим? — спросил Гриффитс, озабоченно глядя на склон холма.

— Думаю, дня через три, — ответил я уверенно. — Она, конечно, поголодает немного, но это наименьшая из наших забот.

Характерно для наших времен? Да. Мысль о перепуганной до смерти девушке, три дня не имеющей надежды выбраться из подземного плена, меня нисколько не беспокоила. В конце концов, я с ней не знаком; она для меня всего лишь номер в Картотеке. И этот номер временно находится в подземелье. Неважно! С большой долей вероятности номер скоро снова окажется на свободе, восстановив таким образом порядок в записях. Гриффитс смотрел на меня отчужденно, но он ведь не Офицер-Оценщик. А мне с подобными случаями приходится иметь дело постоянно.

Вернувшись к себе в кабинет, я сел за справочники по строительным расценкам. Я вообще нахожу такую работу интересной: это один из немногих случаев, где у меня есть простор для инициативы.

Наконец предварительные расчеты были готовы, и тут меня ждал неприятный сюрприз. Цифра получалась слишком велика.

РУФЬ ВИЛЬЕРС

СМЕТНАЯ СТОИМОСТЬ

Плата инспектору	75
Прокат экскаватора «Гекс 2/6Р» (по 13 кр. в час; прикл. на 72 часа)	936
Плата экскаваторщикам (три смены), включая вознаграждение за ночную работу и компенсацию за время на проезд	200
Транспортировка экскаватора «Гекс 2/6Р» (туда и обратно)	260
Питание и удобства для экскаваторщиков	10

Прожекторы и электричество для ночных работ	20
Разное	50

Итого: 1551

Когда я показал Гриффитсу лист с подсчетами, он застыл в шоке.

— Я думал, вы сказали, это можно сделать... Вы говорили, 1500 кредиток хватит, — пробормотал он укоризненно, затем пробежал трясущимся пальцем по строчкам и спросил: — Разное. Пятьдесят. Господи, это-то что такое? Ваши проценты?

— Мои услуги предоставляются Государством бесплатно, — проинформировал я его, поборов в себе поднимающуюся волну раздражения. — Графа «Разное» предусмотрена для всяческих непредвиденных расходов, и очень может быть, что пятьдесят кредиток еще слишком осторожная оценка. Как правило, эти деньги используются в качестве выплат людям сверх их обычного заработка, для того чтобы они шевелились быстрее. Бывают и другие расходы, но чаще всего — такие. Попросту чаевые.

— Что? — Гриффитс побелел. — Вы хотите сказать, что мне придется давать этим типам на чай, чтобы они работали лучше, в то время как жизнь девушки находится в опасности?

— Ну... в общем, да. Послушай, Гриффитс, — сказал я мягко, — ты должен понять их. Они твою девушку в глаза не видели. Для них это просто еще одна работа. А когда работа будет сделана, у них может получиться простой, так что они порой растягивают работу подольше. Будет гораздо дешевле заплатить им неофициальное вознаграждение и списать деньги на «Разное», чем нанимать экскаватор еще на один день.

— Господи! — Гриффитс дрожал, сидя через стол от меня с совершенно потерянным видом. Он, конечно, с подобными проблемами никогда не сталкивался и, разумеется, понятия не имел, как такие дела делаются.

Признаюсь, он выглядел настолько потерянным, что я почув-

ствовал к нему искреннюю жалость.

— Есть еще одна возможность, — сказал я осторожно, — если ты готов рискнуть.

— Какая?

— Обойтись без инспектора. Мы просто найдем людей, экскаватор и начнем копать. У меня есть план шахты. — Я достал из стола пожелтевший лист бумаги. — Думаю, мы можем рискнуть и начать копать вот здесь.

Я уже отметил возможное место раскопок заранее.

— Дело в том, что нам ничего другого не остается. Это наш единственный шанс. Тогда максимальные расходы — я просчитал — составят 1476 кредиток. Если не наткнемся на скальную породу, все будет в порядке.

— Слишком маленький запас, — произнес Гриффитс, грызя от волнения ногти.

— Понимаю. — Я сложил план. — Можно считать, что ты согласен? Осталась еще масса дел.

— Да, — сказал он, поднимаясь.

— Завтра увидимся на месте.

Гриффитс показал мне ее фотографию, вернее, их фотографию, снятую, когда они вместе ездили куда-то на выходной три месяца назад. Руфь Вильерс ничего особенного собой не представляла: жиденькие волосы, бледное невыразительное лицо. Фото было в полный рост, и мне подумалось, что у таких, как она, роды проходят трудно... В наши дни таких женщин встречаешь все чаще. Несмотря на дарвинизм и поощрение «наиболее пригодных». Словно Природа, преисполнившись ревности к успехам человека в других областях, пытается отыгаться на биологии.

Однако я промолчал. Гриффитс долго глядел на фотографию, перед тем как положить ее обратно в потрепанный бумажник. Мы оба стояли некоторое время молча, притопывали ногами и ждали прибытия экскаватора.

Было туманное осеннее утро, и окрестности выглядели совер-

шенно безжизненно: изрытый сланцевый склон холма, застывшие деревья почти без листвы, ржавые заросшие рельсы, исчезающие под каменной осыпью угрожающего вида. Небо, переходящее в мокрые холмы, сырой, пронизывающий ветер.

И вообще странное место. Здесь живо представлялось, как старые горняки с туберкулезным кашлем выбирают на поверхность и разворачивают заскорузлыми руками набухшие пакеты с корнскими пирогами. Говорят, их раньше делали с сардинами и запекали рыбу в такую твердую корку из теста, что можно было уронить пирог в пятидесятифутовую шахту — и ничего бы ему не сделалось. Сейчас для туристов делают пироги из планктона в крахмальном тесте, но, должен сказать, на вкус они ничуть не хуже.

Рокот моторов в долине возвестил о прибытии экскаватора, и вскоре мы его увидели: огромная машина с желтыми гусеницами на платформе тягача, с трудом пробирающегося по застланной туманом дороге. Тягач подъехал к нам, и из кабины вылез водитель. Он выбросил на ходу окурков, и тот зашипел на мокрой земле.

— Куда вам его? — спросил он коротко.

Я указал на склон холма, и он тут же надул губы.

— Рискованное дело. Они, экскаваторы эти, бывает, переворачиваются. Я не уверен, что Джеф сможет его туда подвести. Нее-е, совсем мне это дело не нравится.

Тут подкатил фургон, и из него, разминая затекшие руки и ноги, по очереди выбрались люди.

— Джеф! — позвал шофер.

— Ну. — Огромный пузатый мужчина в синем комбинезоне подошел к нам.

— Джентльмен говорит, что ты должен подогнать его вон туда.

— Ого! — Джеф почесал в затылке. — Не нравится мне это дело. Опасная штука, сланец. Экскаватор заскользит и опрокинется в два счета. И крышка! Если он перевернется, кабину сомнет как спичечную коробку.

Поняв, что ничего больше не остается, я достал из кармана кредитную карточку Национального Банка на имя Руфь Вильерс. Джеф резко извлек свою. Я выбил две кредитки у него в блоке «Приход», а он выбил ту же сумму на карточке Руфи в блоке «Платеж».

Первые расходы в графе «Разное».

Гриффитс внимательно наблюдал за процедурой и, как только рабочие отошли к экскаватору, заговорил:

— А что мешает мне перевести, например, 500 кредиток на ее счет? Так, на всякий случай? — спросил он, как делали это многие до него.

За дураков они нас принимают, что ли? Снова пришлось объяснять:

— Как только заявка регистрируется, счет замораживается, и единственная сумма, которая может быть к нему добавлена, — это деньги, действительно заработанные пострадавшим максимум за одну неделю, но еще не выплаченные. Только это, и больше ничего. В противном случае вся система была бы бессмысленна. Любой родственник мог бы перевести деньги на счет заявителя, сказав, что это выплата старого долга или еще чего-нибудь.

— Наверное, да, — промямлил Гриффитс, вздыхая.

— Я мог бы тебе рассказать несколько случаев, — продолжал я любимую тему. — Чего только люди не делают, чтобы обойти закон! Вот было один раз...

— Слушайте! — оборвал меня Гриффитс, сжимая побелевшие кулаки. — На кой черт мне ваши дурацкие истории? Меня тошнит от вашего отношения ко всему этому делу. Для вас это словно задача из учебника... Вы что, не понимаете, что там, внизу, девушка? Живой человек, такой же, как мы с вами! Она в опасности, а вы все про инструкции и правила! У вас что, совсем нет чувств?

Он явно был уже на пределе.

— Спокойней! — Я положил руку ему на плечо. — Я понимаю, там твоя девушка, и мне действительно жаль. Вчера у меня

заявитель умер в больнице, и мне тоже было жаль. С тех пор как приняли Закон об Общественной Значимости, умерло более девяти тысяч человек, которые до 2012 года могли быть спасены. И мне их тоже жаль. Но все это делается ради общего блага. Нельзя же за всех так переживать. Надо научиться принимать эти вещи как они есть.

— Может быть, — пробормотал Гриффитс, чуть подумав. Конечно же, он со мной не согласился, просто не хотел ссориться с единственным человеком, который может ему помочь.

В этот момент у фургона затормозила черная легковая машина, из нее вышел аккуратно одетый мужчина. Пробравшись через обломки, он подошел к нам.

— Пресса, — объявил он, предъявляя удостоверение. — Как нам сообщили, там, внизу, осталась девушка?

— Правильно, — охотно подтвердил Гриффитс.

Я прекрасно понимал, о чем он думает. Мол, может быть, этот человек через свою газету на что-то повлияет. Может, удастся расшевелить общественные симпатии, поднять шум и выбить что-нибудь вроде правительственной субсидии. Он продолжал рассказывать, но я-то отлично знал, что он попусту тратит время. Если система поддастся один раз, все тут же выстроится в очередь — и конец системе.

— Спасибо. — Человек из «Нэшнл дейли» закрыл записную книжку и спрятал ее в карман. — Не возражаете, если я вас сфотографирую?

Удивительно вежливый репортер. Он снял расстроенного Гриффитса на фоне каменных обломков.

— Так, хорошо. Как насчет девушки? Руфь? У вас случайно нет ее фото, которое я мог бы использовать?

— Есть. — Гриффитс извлек фотографию и вручил ему.

Корреспондент внимательно изучил ее, наклоня под разными углами, закрывая по очереди разные участки рукой и при этом тихонько насвистывая.

— Да. Ладно, — произнес он, возвращая фото. — Я вам со-

обшу, если она понадобится. Вообще-то я не уверен, что этот материал удастся использовать. Недостаточно... э-э-э... остроты. Нет сюжета. Возможно, я зря тратил время. Ну ладно. Я поехал. — Он шаркнул ножкой, пожал каждому из нас руку и ушел.

— В чем дело? — спросил Гриффитс, задетый его стремительным отъездом.

— Ты же слышал, что он сказал. Неинтересно. Да я и не думаю, что это имеет значение. Было бы только хуже: понаехали бы зеваки, путались бы тут под ногами.

Ответ его потонул в реве неожиданно включенных двигателей. Экскаватор дернулся, наклонился и съехал с платформы на каменистый грунт. Развернулся со скрежетом гусениц и пошел вверх по склону. Из кабины на нас молча смотрел Джеф.

Работа началась.

В этот день я ушел часов в пять. Гриффитс остался под моросящим дождем, наблюдая, как рабочие налаживают прожекторы. На службу заходить не хотелось, и вообще я смертельно устал. Что-то было в этой ситуации — черствость экскаваторщиков, поведение корреспондента, просто отношение к случившемуся всех, включая и меня самого, — что не давало мне покоя целый день и выворачивало душу наизнанку. К концу дня я ненавидел уже всех подряд. Больше всего себя. Никак не мог избавиться от мысли об этой невзрачной девчонке, заваленной там, под землей.

Ни к чему хорошему это привести не могло. Это — ощущение, которое иначе как симпатией не назовешь, и я старался гнать его прочь. Подобные чувства могут стоить мне должности, могут превратить меня в одного из тех безликих тысяч, что едут каждое утро по самодвижущейся полосе к Юго-Восточному Промышленному Комплексу. Я мог бы стать таким же, как Гриффитс, — механиком, у которого от силы 800 кредитов в год. Дорис такое вряд ли понравится: для нее общественное положение всегда значило очень много. До сих пор помню тот случай, когда из-за незначительной поломки в машине нам пришлось ехать на само-

движущейся полосе. Помню ее лицо, этот застывший взгляд, когда она стояла, покачиваясь в такт движению, в окружении рабочих в комбинезонах. Она ушла в себя, мысленно съежилась, словно пытаюсь уменьшить воздействие физического контакта с толпой. Казалось, она говорила тем самым: «Да, может быть, я и стою здесь с ними, но душой я вовсе не здесь, я выше».

· Может быть, так оно и есть, когда ее муж, то есть я, приносит домой четыре тысячи в год. Она может себе позволить витать где-то там. Говорят, все люди созданы равными, и в соответствии с этим каждому по рождению назначается Основная Индивидуальная Значимость в 600 кредиток. Но время идет, и Природа берет свое: кто лезет, тот оказывается наверху. Как я. А гриффитсы и их невзрачные девчонки остаются позади, не способные вырваться из затягивающей массы. А почему, собственно, нет? Они уже отличаются. Они доказали, что хуже. Вот это и есть дарвинизм.

Хорошая у нас Система. Самая лучшая!

Наверно, поэтому в тот вечер я напился, и, когда пришел домой, мне стало плохо. Дорис тут же устроила сцену. Я послал ее к черту. Громко, так чтобы могли слышать соседи. В соседней квартире живут люди с Уровнем Общественной Значимости всего в 1500 кредиток. Один только бог знает, как они расплачиваются за жилье.

Весь следующий день я сидел в своем кабинете и думал о том, как идут дела на шахте. Форбс не появлялся, слава богу. И без его тотальных проверок я чувствовал себя отвратительно. Еще через день после полудня я не выдержал. Сказал Эклесу, что ухожу, и вышел, не обращая внимания на его трескотню о назначенных на вторую половину дня приемах. Сел в машину и поехал к шахте.

Выбираясь из кабины — слава богу, дождя не было, — я заметил одинокую фигуру Гриффитса на склоне холма, из которого чудовищные челюсти экскаватора уже выгрызли огромный кусок. Гриффитс глядел в яму, дна которой я еще не мог видеть. Экскаватор стоял, и вокруг было подозрительно тихо. Работа остановилась, и я подумал, что экскаваторщики решили произвести оче-

редные расходы из графы «Разное».

— В чем дело? — спросил я Гриффитса.

Выражение его лица осталось неизменным. Он посмотрел на меня невидящим взглядом и опять уставился на дно ямы.

Рабочие курили, облокотясь на впившийся в землю ковш экскаватора. Пока я спускался к ним в яму, они не сводили с меня глаз.

— Плохи дела, — коротко сказал один из них, не вынимая из рта сигарету.

— О господи! — Я огляделся, пытаюсь найти объяснение их бездеятельности, и ничего не обнаружил. Они ждали, когда я спрошу.

— Ну, какие трудности?

Вместо ответа Джеф взял лом и выразительно ударил по земле. Звякнуло. Я наклонился и разгреб крошево из сланца ладонью.

Под сланцем оказался слой сплошного гранита.

Избегая затравленного взгляда Гриффитса, я выбрался из ямы и спустился по склону к машине.

Усевшись на сиденье, я попытался что-нибудь придумать, но дальше обвинений самому себе дело не шло. Все было моей ошибкой. Я не мог знать, что там будет гранит, но именно я решил обойтись без консультации инспектора, чтобы срезать расходы. Я сделал ошибку, которая будет стоить Руфь Вильерс жизни, если, конечно, она до сих пор жива. А очень возможно, она жива и в полной безопасности сидит в этой гранитной камере, о которой в самом начале говорил Гриффитс и о которой я в своем стремлении снизить расходы начисто забыл.

Время шло. Через окно автомобиля я видел, как рабочие выбрались из ямы и встали рядом с Гриффитсом на краю, глядя на меня в ожидании решения.

Что ж, придется решать. Напряжение последних дней свилось внутри в огненный клубок, и я чувствовал, что меня трясет. Я открыл дверцу.

Шахта соединялась временным телефоном с конторой экскаваторщиков в деревне. По телефону я мог своей властью заказать буровую машину и рабочих. Тогда останется лишь задержать платежное требование, когда мне его передадут, и к тому времени, когда все откроется, Руфь Вильерс уже спасут.

Потом начнется «музыка»: потеря работы и понижение Уровня Общественной Значимости. Меня заставят выплатить кредит, который я, считай, украл. Ибо все должно быть сбалансировано, такова Система...

Черт бы ее побрал!

Я наполовину шел, наполовину бежал вверх по склону холма, когда резкий окрик за спиной заставил меня обернуться. Подъехала еще одна машина, и ее водитель отчаянно замахал мне рукой. Дверца с противоположной стороны открылась.

Появился Форбс.

В шляпе котелком, в очках, с лицом, изрезанным морщинами от долгих лет поисков чужих ошибок. Он торопливо поднялся ко мне.

— Я слышал, у вас тут возникли какие-то затруднения, — произнес он, пристально глядя на меня. Видимо, он сразу же оценил мое состояние, поскольку ему приходилось видеть подобное и раньше. — Надеюсь, вы не собираетесь наделать каких-нибудь глупостей? — Он чуть улыбнулся. — Нет... Нет, конечно. Вы осторожный человек, Арчер. Я верю в вас. Ну хорошо. Какие, собственно, трудности? Насколько я понимаю, положение таково...

Форбс продолжал говорить в той же многословной служебной манере (тут я подумал: «Неужели я говорю так же?»), а мы стояли рядом и следили, как он, элегантно держа в руке шариковую авторучку, производит вычисления в поддержку своих слов.

— У мисс Вильерс, допуская, что она еще жива, осталось на счету 400 кредиток, что, очевидно, не является достаточной суммой для финансирования работ по разрушению гранита. Прокат передвижного горного комбайна с бригадой стоит 500 кредиток

в день. — Тут он еще раз постучал ручкой по исписанной цифрами странице блокнота. — А прокат подобного дорогостоящего оборудования на срок меньший, чем один день, запрещается, даже если работа может быть произведена за более короткое время.

— И что теперь? — спросил я почтительно, подумав про себя: «Насколько сильны его подозрения? Догадывается ли он, как близок я был к проявлению Незаконных Симпатий?»

— Нам остается один курс, только один! — категорично произнес Форбс, глядя на Гриффитса.

— Какой? — Гриффитс был готов схватиться за что угодно.

— Мы должны использовать оставшиеся 400 кредиток наилучшим образом, то есть пробурить в камеру скважину для подачи воздуха и еды. Я думаю, это будет стоить приблизительно 200 кредиток, даже с использованием высокоскоростной буровой машины. Остается 200 кредиток. На еду.

Он замолчал, и никто больше не проронил ни слова. Очевидно, все мы в тот момент обдумывали сказанное. Руфь Вильерс не может зарабатывать деньги, находясь там, внизу. Следовательно, когда придет конец этим двум сотням, ей тоже придет конец.

— Но 200 кредиток... — хриплым голосом произнес наконец Гриффитс. — Этого хватит на семь-восемь месяцев. То есть она останется там, похороненная заживо, до тех пор пока не кончатся деньги! Господи, как вы можете такое говорить?

Он схватил Форбса за рукав, тот замер на какое-то время, и я понял, что на этот раз ему досталась работа, от которой он совсем не в восторге.

— Это Система, — ответил он спокойно, высвободив рукав из цепких пальцев Гриффитса. — Общество не виновато в том, что ваша девушка оказалась в этой ситуации.

Тут он сделал паузу, и мне очень хотелось бы думать, что следующая его фраза была продиктована действительно участием:

— На вашем месте я бы молился, чтобы она нашла там золото.

Форбс отошел, и вскоре его машина двинулась в сторону де-

ревни.

— О господи! — Гриффитс проводил взглядом удаляющуюся машину. — И такие люди находятся у власти! — Голос его дрожал. — Мистер Арчер, неужели ничего нельзя сделать? Неужели нет никакой надежды?

Тут его взгляд остановился на неподвижном экскаваторе.

— Прикажите им, чтобы работали!

— Бессмысленно, — спокойно ответил я. — Они никогда не пробьются с этой машиной, даже если будут работать целый месяц.

— Но это несправедливо! — взорвался он. — Из-за каких-то нескольких вшивых кредиток! Где же смысл? Вы могли бы выделить деньги, я мог бы, если бы нам только позволили. Это неправильная Система!

— Система правильная, — сказал я. — Другое дело, что иногда, изредка, случаются ситуации, в которых наши личные симпатии побеждают рассудочность. — Я указал рукой на рабочих. Они уже собирали инструменты и готовили экскаватор к отъезду. — Они спокойны, потому что не знают твою подружку.

— Но ведь это неправильно, что они так спокойны!

— Давай не будем на эту тему. Попробуй отнестись к этому по-другому. Экономисты давно подсчитали, сколько стоит эта страна, и достаточно точно определили ее будущую стоимость. А поскольку страна состоит из людей, будет только справедливо, если каждому будет причитаться справедливая доля этого богатства. Так?

— Допустим.

— И когда я говорю «справедливая доля», я имею в виду именно это. Каждому — ни больше и ни меньше, чем ему причитается. Предположим, пять человек умирают в больнице, потому что каждому не хватает двадцати кредиток на операцию. Что бы ты сделал с лишней сотней: поделил бы на пятерых и спас их или использовал бы эти деньги для спасения Руфи?

— По-вашему — так они все умрут. Все шестеро, — с го-

речью произнес Гриффитс, не желая меня понять.

— Да, но посмотри на проблему с точки зрения страны в целом, — настаивал я. — Когда-то, много лет назад, случались, например, такие вещи: только богатые могли себе позволить пересадку сердца, и, как правило, это были уже старики, иначе бы им пересадка и не понадобилась. Короче, они могли потратить десять тысяч на операцию, чтобы продлить жизнь, скажем, на пять лет. Но на эти деньги можно было бы сделать пятьдесят пересадок почек и спасти жизнь пятидесяти молодым полезным людям. Теперь же такое случиться не может, потому что ни у кого нет таких средств, с тех пор как вступил в действие Акт о Запрещении Личной Собственности 2009 года. Теперь никому не делают пересадку сердца. Зато очень немногие умирают от болезней почек. Разве людям в целом не стало лучше?

Гриффитс немного успокоился.

— Все, что вы говорите, вроде бы логично, — медленно произнес он. — Только вот одна вещь...

— Что?

— Почему же и вам не нравится Система?

— Мне не нравится? Очень даже нравится! Это самая совершенная система в мире!

Через шесть часов, когда кончили бурить скважину, подняли бур и из шахты донесся голос Руфи Вильерс, я все еще пытался убедить себя, что верю в то, что говорю.

...Да, все это произошло шесть месяцев назад, почти день в день. История, конечно, попала в «Нэшнл дейли»: теперь ее просто нельзя было не напечатать. Однако девушка на снимках выглядела совсем по-другому. Бедняжка с красивыми правильными чертами лица и печальными глазами, которые заставляли сердце нации болезненно сжиматься, ничем не напоминала несуразную подружку Гриффитса.

Разумеется, это привлекло зевак. Даже сейчас, когда прошло столько времени, эти унылые фигуры в плащах толпятся у забора,

представляя себе девушку с газетной фотографии в мрачном подземелье и жалея, что такая милашка пропадает ни за что. Ну разумеется, они все мечтают спасти ее, словно рыцари ланселоты, и унести из этой ужасной ямы, успокаивая словами и ласками...

Мне хотелось заорать на них, встряхнуть за плечи, крикнуть им всем в лицо: «Она уродлива! У нее бородавка на носу! От нее несет, потому что она не мылась полгода! Ну что, поняли? Есть теперь разница?»

Из сарая вышел Гриффитс. Дважды в день он приносил ей супы и тратил все свое свободное время на разговоры с ней через узкую пластиковую трубу.

Со мной он теперь почти не разговаривал. Он стал замкнут и лишь изредка рассказывал, о чем они там беседуют часами. Я сам не понимаю, почему мне хотелось об этом знать. Должно быть, у меня сложился чудовищный комплекс вины из-за всей этой истории, и я хотел быть причастным до конца, как будто, поступая так, я мог разделить их личное горе...

Гриффитс торопливо карабкался вверх, цепляясь пальцами за обломки камня. Что-то произошло.

— Мистер Арчер!

Я перепрыгнул через забор и съехал вниз к нему, царапая руки о катящиеся камни. На крутом склоне мы столкнулись, схватившись друг за друга, и остановились, задыхаясь и едва удерживая равновесие.

— Что случилось? — выдохнул я.

— Она молчит. Ей было плохо сегодня, а теперь она не разговаривает. Я что-то слышал, какие-то странные звуки, но сама она молчит. — Глаза его расширились от страха.

Спустя несколько секунд я уже стоял в полумраке сарая и пытался дозваться через трубу, которая служила Руфь Вильерс для вентиляции, общения и передачи пищи.

— Руфь!

Я приложил ухо к трубе, но разобрал лишь какие-то слабые шорохи, словно она ворочалась на земле.

— Руфь! — закричал я снова. — Что случилось?

Внезапно все звуки снизу прекратились. Гриффитс, глядя в сторону, наклонился ко мне и тоже стал прислушиваться, пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук из трубы. В сарае пахло сыростью и плесенью. На столе рядом со стойкой, крепившей трубу, стояла наполовину пустая молочная бутылка. Верхние четверть дюйма молока превратились во что-то желтое и вязкое, горлышко изнутри покрылось присохшими крошками. Там же стояла запачканная по краям чашка с остатками мутного холодного чая.

И вдруг из трубы совершенно чисто и ясно донесся крик новорожденного младенца.

Я вызвал бригаду рабочих, и через час они должны уже быть на месте. Надеюсь, часов через шесть Руфь Вильерс с ребенком окажется на свободе, и теперь никто не скажет, что Департамент работает неоперативно.

Гриффитс вне себя от радости, воркует что-то через трубу своей новорожденной дочери и строит планы на будущее. Включая и свадьбу с Руфью. Интересно, знал ли он о ее состоянии все это время? Или она не говорила ему, опасаясь, что он испугается ответственности и скроется, оставив ее одну? Трудно сказать. Что-то есть в Гриффитсе, чего я никогда не пойму. Одно я твердо знаю, я просто вижу это по его лицу, когда он говорит в трубу. Человек бесконечно влюблен в женщину, на которой я вряд ли остановил бы взгляд. Всякое бывает.

Может, оно и к лучшему. На благо экономики Система может утверждать, что все мы равны, но имеем Индивидуальные Способности различной Общественной Значимости. Однако я думаю, что есть понятия — эмоции, отношение людей друг к другу, любовь, — которые нельзя измерить в кредитах.

Не считайте меня каким-нибудь революционером. Нет. Последние несколько часов показали Систему в исключительно хорошем свете, о чем, я уверен, «Нэшнл дейли» не замедлит сообщить. Да и моя собственная вера, которая, признаюсь, одно время сильно пошатнулась, была восстановлена теми удивительно

логичными действиями, которыми Система отреагировала на последние события.

Дело в том, что в момент рождения ребенка в подземной пещере стало два человека: Руфь Вильерс, с ее практически исчерпанным Кредитом Общественной Значимости, и ее дочь с Основной Индивидуальной Значимостью (Право по Рождению) в 600 кредиток. Этого более чем достаточно, чтобы нанять рабочих.

Теперь никто не сможет упрекнуть Систему. Даже «Нэшнл дейли».

Даже я.

ЧТО ЖЕ СТАЛОСЬ С ЭТИМИ МАК-ГОУЭНАМИ?

До оторопи красива весна на Джейде.

Ричард Невис созерцал ее, посиживая у окна своего бревенчатого домика с приятным ощущением сытости в желудке, пока за его спиной Сандра прибирала со стола остатки завтрака.

— Трава в этом году дружно всходит, — задумчиво сказал Ричард и, странно, вдруг ощутил, что его голос как-то слишком грубо вторгся в стоящую кругом тишину.

Сандра подошла к окну и, положив руку на плечо мужа, тоже взглянула на равнину — огромный изумрудный ковер, на котором чернело одно-единственное пятнышко. То была ферма Мак-Гоуэнов милях в двух отсюда.

— Словно за одну ночь все повылезло...

Еще каких-нибудь две недели назад кругом была сплошная пустыня. Песок да песок — глазу не за что зацепиться. Тоже по-своему красиво: желтые и красные блики так и переливаются, будто живые, под вечерним солнцем, — но все-таки пустыня... Да, времена года на Джейде быстро сменяются.

— В этом году травы опять будет хоть завались. — Он по-хозяйски окинул взглядом расстилавшийся перед ним пейзаж и задержал взор на далеком пятнышке. — Интересно все-таки, что случилось с этими Мак-Гоуэнами?

— На Землю вернулись, наверно, — сказала Сандра. — Есть такие люди. Прочтут проспекты, загорятся, подпишут контракт и за участок вперед заплатят. Потом приезжают на место, а оно им не по душе. Работа тяжелая, да и место уж очень тихое.

— Значит, по-твоему, у нас тут слишком тихо? — возмутил-

ся он.

Вообще-то, подписывая контракт, он и сам предвкушал удовольствие иметь рядышком соседей. Увы, на Джейде его ожидало разочарование — обещанных Мак-Гоуэнов и в помине не оказалось.

Сандра улыбнулась.

— Мы тут уже второй год, Ричард. Если б мне здесь было не по душе, уж я бы тебе давно об этом сказала.

Но, говоря по правде, места здесь действительно были на редкость тихие. Ни единого животного, ни единой птицы на всей планете. Ни стук копыт, ни скрипучий клекот никогда не нарушали зеленого безмолвия. За работой Ричард порой даже принимался петь вслух, чтобы напомнить себе, что хоть одно-то живое существо на Джейде, по крайней мере, имеется.

Нет, он знал, конечно, что за холмами, среди долин и вдоль берега единственного на планете материка, разбросаны редкие фермы еще нескольких сот таких же, как он, арендаторов Джейдовской Компании. Но что толку — расстояния между фермами такие, что в гости не походишь. Да и дел каждому поселенцу на своем участке хватало.

Была еще, правда, радиосвязь. Первое время, чтобы скоротать долгие вечера, Ричард и Сандра часто усаживались у приемника — послушать, о чем там толкуют люди за холмами, а то и самим с кем-нибудь поговорить, обменяться новостями. Но потом и это развлечение потеряло смысл. Что толку притворяться, будто ты не одинок, когда одиночество кричит о себе со всех сторон!

А вот теперь Сандра была беременна, и через пару месяцев должен прилететь доктор — принять ребенка. Месяца три назад он навестил их в первый раз. Ричарда поразило тогда, каким варварским диссонансом ворвался рев приближающегося вертолета в мирный покой его долины. Он даже ощутил какое-то безотчетное раздражение. Теперь ему уже трудно было представить, как это они с Сандрой ухитрились когда-то жить на Земле среди грохота и смрада тамошних машин.

Он встал, легонько поцеловал Сандру:

— Пойду взгляну на Дейзи.

Дейзи стояла в амбаре. Это был здоровенный металлический ящик, окрашенный в серый, стандартный для колониистского снаряжения цвет. Этот ящик Сандра и окрестила по имени запомнившейся с детства коровы. В амбаре Дейзи выглядела явно чужеродным телом — этакое нескладное механическое страшилище, каким-то чудом затесавшееся среди пахучих смолистых бревен и наваленных грудой брикетов сена.

Ричард расслабил проволоку, которой был стянут брикет, поддел рассыпающееся сено на вилы, сунул его в бункер, торчавший на макушке у Дейзи, потом нажал на кнопку, и машина тихонько заурчала. За первым брикетом последовали другие. Наконец на лицевой панели ящика, усеянной рядами шкал и тумблеров, вспыхнула красная лампочка.

Ричард отставил вилы к стене, выключил приемное устройство машины и начал программировать сегодняшний обед: суп, ветчина, яичница-болтунья, компот из абрикосов, кружка молока для Сандры.

Потом он осмотрел косилку, отрегулировал уровень масла, прошелся по всем движущимся частям, тщательно нанося на них смазку...

— Ради бога, Ричард, что ты тут возишься?

Сандра остановилась в распахнутых воротах амбара. Каштановые волосы, пронизанные солнечным светом, окружали ее голову золотистым нимбом. Но в выражении ее лица не было ничего от кротости христианских святых.

— Да вот косилку решил проверить. А что?

— Ты хоть знаешь, который час?!

— Двенадцатый, наверное...

— Третий! А мы и не обедали даже. Чем ты тут был занят столько времени?

Тыльной стороной ладони — чтобы не испачкать куртку маслом — Ричард сдвинул рука

Верно, стрелки показывали два пятнадцать. Может, он тут заснул? А может, грезил наяву или просто пиялился в пустоту вместо того, чтобы работать? Вроде бы нет...

— Прости, дорогая...

За обедом Сандра ухитрилась распалить себя до бешенства, так разительно не похожего на ее утреннее настроение.

— Какой во всем этом смысл, хотела бы я знать?! Зачем мы сюда притащились? Ей-богу, я иногда жалею, что не осталась на Земле, как все подруги! У меня здесь ни одной знакомой души, только и знаю целыми днями, что торчу дома. Ну куда, куда подевались эти Мак-Гоуэны?! — Она сделала трагический жест в том направлении, где, как ей казалось, находилась соседская ферма. — Вот что я тебе скажу, Ричард Невис: ей все это надоело! Да, надоело, и она заставила своего мужа вернуться на Землю!

— Травка, которую мы продаем Компании, дает нам кругленькую сумму...

— А зачем нам эти деньги?! Все равно здесь их не на что тратить!!

Ричард не перебивал ее, и постепенно Сандра начала успокаиваться. Так оно обычно и бывало, если, конечно, у Ричарда хватало ума не возражать ей, что бы там она ни говорила. И, как обычно, она, в конце концов, первая же и начинала над собой смеяться.

— Извини меня, Дик, — улыбнувшись наконец, сказала она и в этот раз. Это все из-за моего состояния...

— Пустяки, детка. Тебе полезно время от времени отвести душу.

Она рассмеялась.

— Я и сама не заметила, как быстро сегодня время пролетело. Задремала, видно. Потом глянула на часы — о боже, целых два часа! Меня так и стукнуло: полдня прошло, а я ровным счетом ничего не успела сделать!..

«Странно, — размышлял вечером Ричард, шагая зеленеющим лугом, — время, действительно, летит. Вот уже два года про-

шло... на банковском счету прибавилось несколько тысяч, а с жизненного счета два года долой. Нет, решено — с этого дня надо жить каждой минутой, каждой секундой!»

Он вздохнул полной грудью, ощутил прилив бодрости и, в который уж раз твердо решив бросить курить, зашагал в направлении фермы Мак-Гоуэнов.

Проволочная изгородь, разделявшая их владения, давно повалилась. Надо бы поднять, да к чему себя утруждать. Соседей-то ведь все равно нет. В сенокос можно будет убрать заодно и соседскую траву и прилично на ней заработать — не пропадать же добру зря, в самом деле! А если Мак-Гоуэнам когда-нибудь вздумается сюда вернуться, ну что ж, всегда можно будет отдать им их долю. За вычетом платы за труд, разумеется.

Перед домом Мак-Гоуэнов стояла небольшая группка деревьев. Под их кронами на траве лежала раскидистая, манящая прохладой тень. Ричард развалился на траве, опершись спиной о ствол большого дерева, и стал неторопливо разглядывать ферму. У соседей дом был побольше, чем у него, и сохранился вполне прилично, даром что в нем уже, по меньшей мере, года два никто не жил.

«Может, со временем все это достанется моему сыну, тогда мы и соединим оба наших участка...»

Вертолет пронесся над полем и опустился за домом с такой стремительностью, что даже Ричард, нетерпеливо выглядывавший из окна, не мог бы предъявить претензий. Доктор вихрем выскочил из кабины и помчался по траве забавной, подпрыгивающей трусцой. И руку Ричарда стиснул почти на бегу.

— Как она? — отрывисто спросил доктор удивительно высоким, почти пискливым голосом.

Ричард испуганно уставился на него. Со времени прошлого своего визита доктор, казалось, усох и вдобавок весь трясся и как-то нервно подергивался. Мысль, что этот дергунчик будет принимать у Сандры ребенка, не очень-то воодушевила Ричарда.

— Она в спальне, — ответил он. — Не хотите ли стаканчик с дороги, доктор? Вино собственного изготовления. Здорово успокаивает.

Доктор как-то странно посмотрел на него.

— Нет, нет, благодарю, — пропищал он. — Сейчас не стоит. Может быть, после... Я хорошо себя чувствую...

И он вприпрыжку промчался в спальню.

Надо будет, пожалуй, в честь такого события посадить какие-нибудь деревца, что ли. На Джейде вообще маловато деревьев. Он задумчиво глянул в окно на видневшиеся вдали деревья Мак-Гоуэнов и тут же отверг мелькнувшую было мысль перетащить их к себе на участок. Для пересадки они не годились — слишком большие. Лучше уж заказать парочку яблонь прямо с Земли.

Он услышал, как распахнулась дверь спальни.

— Что с ней? — вырвалось у Ричарда.

Доктор похлопал его по плечу.

— Все великолепно! — пронзительно пропищал он. Зрачки его глаз сужались и расширялись прямо-таки лихорадочно. — Просто замечательно!

— А ребенок?

— Прекрасный, здоровый малыш. Поздравляю! — Он потряс руку Ричарда. — Вот теперь, если позволите, я выпью.

— Ах, да, да, конечно! Вот здесь, доктор, пожалуйста...

Ричард указал на стол и устремился в спальню, предоставив доктору самому ухаживать за собой.

Сандра полусидела, опершись на подушки, каштановые волосы рассыпались по плечам. В руках она держала ребенка.

— О, Дик! — сказала она, расплываясь в торжествующей улыбке, словно пыталась, да так и не смогла скрыть величайшую гордость.

— Ужасно странный какой-то у него цвет... — испуганно заметил Ричард.

— Цвет? — Сандра вглядывалась в ребенка. — Да нет же, по моему, ты зря волнуешься.

— Доктор! — нетерпеливо позвал Ричард.

Доктор не вошел, а буквально влетел в комнату. Стакан он держал в руке, облизывавший губы язык метался стремительно, как у змеи.

— В чем дело?

— По-моему, он какого-то странного цвета, — возмущенно заявил Ричард. Какой-то он желтый. Они что, такими и должны быть? Может, у него что-нибудь не в порядке?

Доктор усмехнулся, даже не взглянув на ребенка.

— Пустяки, какая-нибудь легкая желтуха. У новорожденных это довольно часто бывает. Все сходит на второй, на третий день. Ну, вызовите меня, если не пройдет через неделю.

Он ринулся из комнаты. Его стремительные шаги простучали в столовой, на крыльце, за домом. Взревел вертолет, и шум стал быстро затихать по мере того, как машина удалялась от фермы.

— Улетел... — сказала Сандра. — Какой странный...

— Хоть свое-то дело, надеюсь, он знает... — Ричард потыкал в сверток. Нет, клянусь богом, мы тут чересчур уж на отшибе. Другого врача не позовешь, даже няньки и то никакой не сыщешь...

— Он у нас и так будет молодцом, — убежденно объявила Сандра, покачивая сверток. — Стефен у нас будет молодцом, правда ведь, наш мальчик будет молодцом, молодцом... — запела она.

— Слушай, совсем из головы вылетело! — Ричард хлопнул себя по лбу. — У нас же нечего есть! Ради бога, извини меня! Что тебе приготовить? Куриный бульон? Рубленые котлетки? А может, этакий хороший стаканчик молока, а? Он мужественно поборол гримасу отвращения.

обычное меню. Поджарка или что-нибудь в этом роде, горох, — ну ты же сам знаешь. Только поменьше, бога ради...

— Порядок!

Он вышел на крыльцо, искоса глянул на клуб медленно оседавшей пыли, кружившейся там, где недавно поднялся вертолет, и направился в амбар к Дейзи.

— Мне это не нравится, — решительно заявила Сандра часом позже. — Нет, честное слово, определенно не нравится, — повторила она, с отвращением глядя на поднос с едой. — Сама не понимаю, с чего вдруг мне вздумалось заказать поджарку. По правде говоря, мне хочется только одного — лечь на солнышке и ни о чем не думать.

— Неплохая идея! Сейчас я тебе оборудую местечко.

Он снял матрац со свободной постели, вытащил его наружу и бросил на траву. Принес из дому еще пару одеял и подушку и помог Сандре выйти. Со вздохом облегчения она вытянулась на этой наспех сооруженной постели и взяла у Ричарда ребенка.

Ричард снова побрел в дом. Поднос так и лежал на столе. Когда же это он ел в последний раз?

Три дня назад? А может, четыре? Он не мог припомнить. Этот провал в памяти его встревожил. Как бы там ни было, а сегодня вечером надо будет плотно подзаправиться. Только не сейчас. Позже. Порешив на этом, он прикончил вино, еще остававшееся в стакане, потом запил его стаканом холодной воды. Немного погодя он ощутил, что вроде бы голоден, но только так, совсем немного.

— А эта штука, видимо, заразная, — сказал Ричард.

Разговор происходил две недели спустя, и они лежали за домом, греясь на солнце. Они уже привыкли теперь загорать нагишом. В конце концов, случайные прохожие на Джейде — вещь неслыханная. Стефен, сытый и довольный, лежал тут же, между родителями.

— Как ты думаешь, не получили ли мы какой-то особый вид ожога? — спросила Сандра. — Мы ведь последнее время ужасно подолгу валяемся на солнце...

— И ничего лучше не могли придумать, — заверил он и, приподнявшись, стал рассматривать кожу на своем животе. Да, кожа определенно имела какой-то странный оттенок. Этакая легкая желтизна, какая бывает у желчнобольного. Но ничего похожего на обычный земной загар. И у Сандры тело было такого же цвета, и у Стефена. Впрочем, Стефен с самого рождения был таким.

— Это не от загара. Ведь Стефен таким и родился, — напомнил он. — Слушай, а может, мы от него заразились?

— Это все из-за Дейзи с ее искусственной пищей, — абсолютно убежденно заявила вдруг Сандра, словно и не слышала его предположений. — В этой джейдовской траве, наверно, содержится какой-нибудь краситель. А когда трава перерабатывается в пищу, он в ней остается...

— Хм, вполне возможно, — задумчиво согласился Ричард. — Но все равно краска-то эта, видимо, безвредная...

— Ты так думаешь? А то, что мы начисто потеряли аппетит? А это постоянное ощущение усталости? Нет, Дик, я тебе говорю — не нравится мне все это. Ей-богу, я склоняюсь к тому, чтобы вызвать доктора. В любом случае — должны же мы быть здоровы к тому времени, когда прилетят мама с папой.

Ричард еле слышно простонал. Он и так старался не вспоминать о предстоящем визите ее родителей. Сандра ведь когда-то чуть ли не ультиматум ему предъявила: она-де согласна эмигрировать с Земли, но лишь на том условии, что, как только они устроятся, папочка с мамочкой прилетят на Джейду и поживут с ними немного.

Ричард вскочил на ноги.

— Послушай, Сандра, по-моему, мы ни в коем случае не должны рисковать. Мы только дадим твоим родителям

солнечные ванны. Ну а если кожа не посветлеет, вызовем доктора.

Сандра подняла Стефена.

— Ты, пожалуй, прав.

— Как это странно — сидеть вот так в комнате, — сказала Сандра. — В такой чудесный день это... ну прямо как-то противоестественно... И делать тут совершенно нечего... Дик, а Дик, когда ты начнешь косить?

— Думаю, после обеда стоит сделать пробный пробег — надо проверить машину на ходу, а уж завтра начну по-настоящему. А может, послезавтра...

Он не испытывал ни малейшей потребности спешить.

— После обеда? — неуверенно повторила она. — Да, да... наверно, ты прав... нужно попробовать что-нибудь съесть...

Чуть позже Ричард, отяжелевший от переполнявшей его пицци, подошел к воротам амбара, широко распахнул их и взобрался на сиденье косилки. Он включил зажигание. Двигатель закашлял, просыпаясь, и его тарахтенье гулко отдалось в тесном, зажатом стенами пространстве амбара. Ричард, ухмыляясь, взялся за рычаги. Ему всегда нравилось управлять этой огромной машиной. Возвышаясь на своем сиденье футов на десять над землей, он ощущал себя хозяином целой планеты. Он уже с нетерпением ждал того мига, когда наконец колеса машины начнут подминать под себя траву, а громадные ножи срезать ее и охапками швырять в ненасытную пасть упаковщика, а уж оттуда, спрессованная, перехваченная проволокой, она станет выскакивать брикет за брикетом, ложась в кильватере косилки, словно цепочка пустых бутылок, выброшенных с океанского лайнера.

Не снимая руки с рычага скоростей, он замер и прислушался. Звук был не такой, как положено. Чересчур пронзительный — словно масло было на исходе и клапаны вот-вот заест. Р

робку передач. И здесь все было в порядке.

Снова включил двигатель. Звук был ровный, зажигание явно в порядке. Видно, частит немного на оборотах, только и всего. Он выжал сцепление, передвинул рычаг.

...Непонятно, каким чудом он умудрился включить самую высокую скорость. Машина рванула с места, набирая полный ход, и помчалась в распахнутые ворота амбара.

Проносясь мимо дома, он краешком глаза успел заметить в окне испуганное лицо Сандры. Но машину уже вынесло в открытое поле.

А ведь это, пожалуй, даже здорово, что она так быстро несется, эта косилка! Пожалуй, с коробкой передач можно и подождать разбираться. А пока что — пока что он взял курс на дом Мак-Гоуэнов.

Немного погода впереди стали вырисовываться очертания деревьев. Ричард схватился за рычаг: надо бы все-таки притормозить перед поворотом.

Он выжал сцепление и дал двигателю постучать вхолостую. Потом сбросил газ, тронул рычаг, тот плавно перешел на следующую передачу. Похоже, правда, что сегодня все передачи вроде как не на своих местах. С чего бы это? Он включил сцепление.

Косилка так и прыгнула вперед на невообразимой скорости. Он еле успел выброситься из сиденья и тяжело рухнуть на землю, а вышедшая из-под контроля машина врезалась в ствол и намертво застряла в нем с заглушим двигателем.

Ричард лежал на спине, слегка оглушенный падением, и в глазах его плыло лазурно-голубое небо. А по этой вогнутой, словно чаша, голубизне, полз золотой пятак солнца, заметно перемещаясь на глазах.

— Я вызову доктора, — с внезапной решимостью заявила Сандра.

— Но я вполне здоров, — запротестовал Ричард. Он проковылял к стулу

— Дело не в тебе одном. Ты сегодня подходил к Стефену?

Последние дни Ричард был так занят, что ему не удавалось выкроить время для домашних забот. С того дня, как сломалась косилка, прошло уже три недели. Всю первую неделю он пытался починить машину с помощью жалкого набора своих инструментов. Потом наконец приступил к запоздалой уборке. Но теперь и эта работа застопорилась, потому что с недавнего времени у него начали болеть ноги.

— Я совершенно уверена, что он болен, — сказала Сандра. — Он такой вялый, разве что иногда поплачет. И ничего не ест. Знаешь, он даже похудел с тех пор, как мы держим его в комнате.

— Ну хорошо, вызови этого... врача. Заодно уж он и мои ноги посмотрит...

Сандра выбежала за дверь и почти тотчас вернулась. Вид у нее был встревоженный.

— Не могу его дозваться, — сказала она. — Такое впечатление, что вообще никого не дозовешься. Радио совершенно вышло из строя. Только и слышно, что какие-то дурацкие помехи.

Это уже было серьезно. Стоит радио забарахлить, и они будут начисто отрезаны от всякой помощи. Ричард торопливо захромал в столовую.

Треск металлических разрядов смолк, когда он добрался до частоты, на которой транслировались обычно ежедневные новости. Из динамика донеслось что-то вроде музыкальной передачи — какие-то странные, ритмичные постукивания под аккомпанемент безумно учащенной, высокой до визга скороговорки. А может, то, что он принимал за скороговорку, тоже были голоса каких-то визгливых музыкальных инструментов?

Сандра первой отважилась на предположение:

— Немного похоже на один из этих старинных джазовых оркестров...

— Быть того не может...

Он вдруг ощутил неприятную пустоту под

ловеческое. Никакая запись земной музыки не могла так звучать.

Внезапно визг оборвался. Но вместо плавной речи диктора послышался какой-то птичий щебет.

— С ними что-то случилось, — медленно проговорил Ричард.

— По-твоему, это... пришельцы?

— Н-не знаю... Нет, не они... Если бы пришельцы, были бы какие-нибудь предупреждения... уж наверняка... Послушай, а ты эти дни часто слушала передачи?

— Почти не подходила к приемнику.

— Выходит, там могло что угодно случиться, а мы тут и знать не знаем... О черт! Попробую-ка я снова пошарить на коротких волнах!

Он отыскал частоту, отведенную для вызова врача, послал сигнал и стал ждать.

Приемник что-то прощebetал, помолчал, прощebetал снова.

— Это человеческий голос, — хрипло сказал он. — Это чей-то голос, и он что-то говорит. Но будь я проклят, если я понимаю, что он говорит. Боже! Что с ними случилось, Сэнди?

Они долго сидели, погруженные в тревожные раздумья. Наконец Ричард поднялся, поморщившись от боли в ногах.

— Придется мне пойти разузнать, что там стряслось.

— Но до ближайшей фермы десятки миль!

— Я возьму косилку. Часов за десять должен успеть добраться... — Он глянул в окно. Солнце опускалось за холмы, ферма Мак-Гоуэнов черным пятном темнела вдали. — Отправлюсь с рассветом...

— Давай посмотрим пока, что у тебя там

— Не хотела тебя беспокоить, Дик. Хватит с тебя забот о сенокосе. Давай я позабочусь о твоих ногах, а тогда ты сможешь позаботиться о моих. А потом уж я займусь Стефеном...

— У него тоже плохо с ногами?

— Сегодня утром у него как будто пяточки были воспалены. Я их смазала жиром. Ну-с, извольте снять башмаки, сударь!

Всем странностям последних недель, думал Ричард, можно было дать ужасающе простое объяснение.

Ну ведь и впрямь, разве возможно, чтобы в разных уголках планеты время текло по-разному?! И тем не менее все факты говорили за то, что их собственные движения словно бы замедлились, а скорость машин, например, стала слишком велика.

А эти голоса по радио, — он готов был поклясться, что это обычные человеческие голоса, только очень ускоренные.

...Негромко охнув, Ричард вцепился в подлокотники с такой силой, что костяшки пальцев побелели от напряжения. Лицо его исказилось от мучительной боли, он пытался что-то выговорить и, теряя сознание, рухнул навзничь.

— Ох, прости... Дик... прости...

Вся нижняя часть ступни была покрыта тысячами тончайших, крохотных белых волосков.

Несмотря на охвативший ее ужас, несмотря на страх за мужа, несмотря на жуткое ощущение, что у нее то же самое, Сандра испытала какое-то подспудное облегчение — оттого что уж теперь-то никому из них не уйти из дома. И теперь все они — она, Ричард и Стефен — смогут наконец подчиниться тому всеобъемлющему, из глубин ее существа идущему желанию, которое мучило

в комнаты разве лишь для того, чтобы в бесчисленный раз утолить жажду. Прохладный ночной воздух ненадолго освежал их тела, пока снова не поднималось солнце, чтобы быстро прокатиться по небу — и с каждым днем все быстрее.

Стефен быстро поправлялся. Он спокойно лежал на одеяле у ног родителей и становился все крепче — с каждым очередным промелькнувшим, как мгновение, днем. Был всем доволен, никогда не капризничал, получал только свои глоточки воды, — и при всем при этом тельце его округлялось, а ручки и ножки становились все более сильными и упругими.

Ими владело какое-то странное, блаженное оцепенение. Ощущение радости бытия все сильнее овладевало вялым сознанием.

Ногам Ричарда стало лучше, они уже не кровоточили и не болели, как прежде, хотя странные отростки не исчезли и продолжали свисать со ступней тысячами длинных белых волосков.

Наступил момент, когда он уже не смог заставить свое тело совершать те движения, которые были необходимы, чтобы добраться до дома и принести оттуда побольше воды, и поэтому продолжал лежать в шезлонге, а жажда все усиливалась, и вместе с ней рождалось смутное сознание, что существует какой-то иной, куда лучший способ удовлетворить эту нестерпимую жажду.

Первым зашевелился Стефен. Его младенческий мозг не был так скован многолетней привычкой, ему легче было приспособиться к новым обстоятельствам и распознать, что за желание его томит. Медленно, очень медленно он перекатился через край своего одеяла, а тем временем Ричард и Сандра следили за ним изумленными немигающими глазами. Оказавшись на траве, маленькое тельце скорчилось, словно плод в утробе матери, и в этой позе — коленки прижаты к подбородку — перевернулось снова, сначала

свое безвольное тело. Некоторое время он сидел на кончике кресла, сложившись вдвое, а волосы, упав со лба, бахромой болтались перед его глазами. Постепенно он выпрямился, оттолкнулся от кресла и встал в кругу, очерчиваемом его собственной, медленно поворачивающейся тенью.

Белые волоски на его ступнях осторожно нащупали сырую почву под поверхностью грунта, и влага стала подниматься по ним в тело.

Напротив него стояла Сандра.

Последним сознательным его воспоминанием были волосы Сандры, шевелящиеся на ветру, и это воспоминание он уносил с собой, погружаясь в дремотное бессмертие Джейды.

Медленно, очень медленно возникло ощущение, что он лежит плашмя, укрытый простынями, а тело его окутано чем-то вроде пижамы. Ричард чувствовал усталость, смертельную усталость, и единственным его желанием было снова погрузиться в сон, но что-то в его сознании против собственной воли понуждало тело к пробуждению.

— Проснись, Ричард.

Голос шел с такого близкого расстояния, словно и впрямь звучал в его собственной голове. Но механический и металлический, он шел из какого-то внешнего источника и силой навязывал свое присутствие. Ричард не хотел слышать голоса и наконец почувствовал такую ненависть к голосу, что заснуть с этой ненавистью было уже невозможно.

Он открыл глаза.

— Проснись, Ричард.

Этот резкий и властный голос исходил из зарешеченного отверстия в небольшом ящичке, стоявшем прямо перед его глазами. Какое-то время он разглядывал ящичек, угад

тофон, стоящий рядом с его кроватью. Поле зрения расширилось, и он увидел белые стены, потолок и дверь, которая как-то странно дрожала и расплывалась. Почти прямо над собой он увидел какое-то нескладное сооружение. Оно поддерживало на весу сосуд с темно-красной жидкостью. Кровь. Тонкая трубка выходила из опрокинутого горлышка сосуда и исчезала под одеялами на его кровати. На его глазах уровень крови в сосуде стремительно понижался и наконец упал до нуля. Ричарду показалось вдруг, что около сосуда мелькнули и исчезли какие-то неясные очертания, ему послышался звук, короткий, оборвавшийся прежде, чем он успел его распознать, — и сосуд снова наполнился. Потом в комнате стало темно, и он уже ничего больше не видел.

Быстро посветлело опять, но теперь уже магнитофон стоял иначе. Голос шел из динамика, и сам голос тоже изменился — у него теперь был несколько иной тембр.

— Рад видеть, что вы проснулись. Так вот, прежде всего, хочу сообщить, что вы, ваша жена и ребенок — вне опасности. Вы находитесь в восстановительном центре на Земле, и я говорю с вами с помощью магнитофона, потому что в данный момент вы еще не способны воспринимать обычную человеческую речь. Меня зовут Свенсон, доктор Свенсон, и время от времени я сижу около вас — на том стуле, который вы видите рядом с кроватью.

Ричард видел стул и еще он видел, что стул как-то странно и почти непрерывно колеблется. Время от времени ему казалось, что он видит на стуле туманные, дрожащие, полупрозрачные очертания какой-то сидящей фигуры.

— Я вас не вижу толком... — произнес он в сторону призрака.

Страх начал исподволь охватывать его, сметая прочь все остатки апатии.

— Это потому, что я не си

— И сколько же мне предстоит так пролежать?

Ричарду вдруг показалось, что он навсегда отрезан от всех людей, что отныне он чудовищно одинок.

— По вашим меркам — недолго, — уклончиво ответил голос. — Все ведь относительно, знаете ли. Во всяком случае, самое плохое уже позади. Вас подхватили вовремя. Другим посчастливилось меньше...

Потом голос изменился, и Ричард узнал бодро-жизнерадостные интонации своего дорогого тестя:

— Ну как ты там, Ричард? Очень повезло, что мы решили посетить вас на этой вашей чертовой планете, а? Вовремя мы вас нашли, а? Ну, скажу я тебе, и обалдели же мы, когда увидели, как вы там все стоите, словно какие-нибудь чертовы статуи! Я всегда говорил, что с этой планетой дело нечистое... ну да ладно, уж я вас оттуда вытащил, да еще в таком темпе, ого-го! А против этой Джейдовой Компании я уже возбудил дельце, такое дельце, что им теперь станет тошно ...

Ричард перестал прислушиваться.

«О боже, теперь этому конца не будет. Теперь мне до конца жизни придется слушать его рассказы о том, как он спас меня и Сандру...»

Он вдруг почувствовал острое, мимолетное желание снова оказаться на Джейде и стоять под солнцем рядом с Сандрой и Стефеном, не ведая никаких забот. Голос дорогого тестя снова ворвался в его размышления.

— ...Подумать только, так облапошивать людей! Люди вкладывают все свои средства и покупают фермы, понятия не имея, что на этой чертовой планете не может жить ни

— Вы слышали, ваш тесть объяснил, что на Джейде не может существовать никакая животная жизнь? Джейдовская Компания должна была это давно понять. Мне объяснили, что особенности Джейды как-то связаны с жесткой структурой ее основных органических молекул. Их цепи, попадая в пищеварительный тракт, не расщепляются на составные части. Поэтому потребление этих молекул в виде пищи привело к тому, что клетки вашего тела постепенно вытеснялись клетками джейдовского типа, имеющими принципиально растительную природу. Ваши движения замедлялись, ваше мышление замедлялось. Вы все больше времени проводили на солнце, ели все меньше и все лучше использовали свет. И наконец настал момент, когда начала меняться вся физическая структура вашего тела. Продолжайте мыслить, продолжайте говорить, продолжайте двигаться, хоть самую малость. Только вы сами можете себе помочь. Все, что мы можем, — это переливать вам без конца кровь, пичкать вас антикоагулянтами и надеяться, что природа сделает остальное. Жена и ребенок? Повернитесь.

Дюйм за дюймом Ричард начал приподнимать непослушное тело, потом медленно повернулся и лег на спину. Преодолевая боль окоченевших от неупотребления шейных мышц, стал поворачивать голову — в общем, не прошло и дня, как он уже смотрел в противоположном направлении. С соседней постели на него глядела Сандра.

— О, Дик! — осторожно произнесла она и не очень уверенно улыбнулась.

Он понял ее без магнитофона-переводчика. И больше не был одинок. Он необычайно живо вспомнил тот миг, когда в последний раз видел ее там, на Джейде, гордо стоящую на просторе, глядящую ему в глаза, — видел ее и ребенка, свернувшегося у ее ног. Перед его глазами снова вставало ее стройное тело, шелковистая зелень

Но он помнил, что сквозь эти изумрудные волосы ясно видел тогда зеленые перистые кроны четырех деревьев вдалеке, на соседней ферме. Теперь он понимал, что же случилось с этими Мак-Гоуэнами...

СПЕЦИАЛИСТ

Огромный корабль плывет в пространстве меж сияющих звезд, словно черный, злоеущий левиафан. Испуганный взгляд человека прикован к чудовищному гиганту в обзорном экране заднего вида, рука отчаянно давит на рычаг, хотя тот уже на максимальной отметке. Страх ледяными пальцами стискивает горло. Давай, малыш-«скаут», давай! Прибавь ходу! Оно догоняет!

Ускорение совершенно не чувствуется. Маленький кораблик бессильно барахтается, увязнув в гравитационном поле гиганта. Паника нарастает. Кажется, что черный монстр только увеличивается в размерах. Рука снова дергает рычаг, кораблик вздрагивает, шум вибрации внезапно стихает. Правый двигатель заглох. Пугающая черная махина скользит вбок и пропадает с экрана. Скорее наладить систему стабилизации, выправить широкую дугу траектории. Тицетно! Левиафан уже впереди — кит-убийца, готовый атаковать. Губы шевелятся, механически, беззвучно. Гигантское судно неумолимо приближается — и внезапно вспыхивает алым пламенем. Взрыв происходит как в замедленной съемке. Корабль исчезает в облаке искореженных частей и вспышках белого света.

Малыш-«скаут» на полном ходу врывается в огненный шар. Из горла вырывается хриплый крик.

ДеГрацца просыпается, продолжая кричать. Солнечные лучи, алые сквозь

«Галактические компьютеры»! Я вот думаю, может, стоит перейти на земную технику? ДеГрацца, выглядишь неважно. Тяжелая выдалась ночь?

— Бывало и получше.

— Если хочешь, передам дело Роббинсу, но ситуация критическая, иначе я не покусился бы на твой отпуск. — Кобб критически оглядел собеседника, отметив и воспаленные веки, и темные круги под глазами.

«А парень почти на грани. Не расклеился бы совсем».

Кобб подавил вздох. Нелегко поддерживать образ сурового начальника, когда лучшие кадры, вроде ДеГраццы, откровенно валятся с ног от усталости и нервного напряжения.

— Да все нормально. — Видимым усилием ДеГрацца взял себя в руки. — История с веганским кораблем немного выбила из колеи. Кстати, реактор взорвался не по нашей вине, компьютеры работали исправно, — мрачно сообщил он. — Чертовы веганцы самовольно влезли в систему управления: мощность захотели увеличить! Что называется, лично выяснил.

— Да, я читал отчет, — сочувственно кивнул Кобб, в душе проклиная себя за лицемерие. Тем не менее парню придется взяться за работу. — Несладко тебе пришлось.

ДеГрацца мысленно скривился. Несладко — это мягко сказано. Лишь он один знает, что действительно творилось на орбите в те десять минут, когда веганцы спешно эвакуировались, оставив его в полном одиночестве раз

— Что нужно делать? — обреченно поинтересовался он, недоумевая, почему до сих пор не уволился. Собственно, причина очевидная — деньги. Мэри экономностью не отличается, дать образование детям сейчас баснословно дорого, а в «Галактических компьютерах» платят щедро.

— Все просто. Полетишь с альтаирцами вторым пилотом. Смотри в оба, может, что и заметишь. Лететь всего ничего: от Альтаира Шесть до Альтаира Восемь через пояс астероидов. С астероидами осторожней, они по большей части не картографированы.

— Наш компьютер должен легко справиться: он подключен к радару.

— М-м... альтаирцы внесли в программу кое-какие модификации, — вкрадчиво произнес Кобб и подобрался, предвкушая бурю негодования.

Та не заставила себя ждать. Когда запас ненормативной лексики иссяк, ДеГрацца спросил наконец о сути модификации.

— Альтаирцы — народ мнительный, вот и решили подстраховаться. Добавили к системе управления альтаироидный интеллект.

— То есть органический разум? — несколько брезгливо уточнил ДеГрацца.

Такое было в ходу у некоторых внеземных цивилизаций, которые верили — настанет день, и разумные существа смогут управлять миром посредством мысли.

— Ну да

— А ты не в курсе? — наивно распахнул глаза Кобб. — Все альтайрцы — телепаты.

— Чудненько, — криво усмехнулся ДеГрацца. — Значит, я работаю громоотводом между компьютером и чудом органики, а гуманоид тем временем копается у меня в голове.

— Вот видишь, ты и сам понимаешь: у техники с органикой запросто может выйти конфликт. Например, команду по-разному поймут, да мало ли причин...

— Увижу хоть намек на нелады между ними — всажу пулю в этот мозг, — злобно процедил ДеГрацца.

Кого ты обманываешь, какая пуля? Сохранность оборудования превыше всего, даже твоей собственной жизни, и вовсе не потому, что, устраняя дефекты техники, можно уберечь от смерти сотни людей. Вранье! Машины вытеснили человека, они ценнее, потому их и спасают в первую очередь. Правда, один маленький нюанс — мозг органический. Как тут расставить приоритеты?

Когда-то расстояние от Земли до Альтаира считалось огромным. С освоением гиперпространства и сверхсветового движения все изменилось. За время полета ДеГрацца даже не успел толком вздремнуть.

Сразу по прибытии его проводили в главный офис «Альтаир-перевозок». Рослые, добродушные гуманоиды со светящимися глазами

Близился к концу второй из семи дней полета. Убедившись, что пилот-альтаирец крепко спит, ДеГрацца решился на эксперимент. Обзорный экран не показывал ничего подозрительного, за исключением отдаленной россыпи мелких астероидов. Кабина была крошечной, все остальное пространство большого корабля занимал грузовой отсек для межпланетной торговли. Кресла обоих пилотов стояли бок о бок перед управляющей консолью со встроенными экранами переднего и заднего обзора. За консолью, в самом носу корабля, стоял радар и компьютер «Галактических компьютеров». По логике, где-то там размещался и пресловутый мозг.

ДеГрацца ввел в компьютер случайный набор курсовых координат и стал пристально наблюдать за показателями гироскопического компаса.

Корабль слегка накренился, но тут же вернулся в прежнее положение, показатели стабилизировались. Похоже, мозг просканировал данные радара, убедился, что никаких препятствий впереди не появилось, и скорректировал курс.

Пока один ноль в пользу альтаирцев.

ДеГрацца откинулся на спинку кресла и задумался. Если верить большеглазым гуманоидам, перед установкой мозг вводят в транс и программируют так, чтобы он «просыпался» только в момент непредвиденных отклонений. Значит, основной пик его активности придется на места скопления крупных астероидов, когда необходимо часто менять курс. До тех пор мозг безмятежно спит, не рискуя св

Спокойно, ДеГрацца. Возможно, эта штукавина тоже читает мысли и знала о проверке задолго до того, как ты ее устроил. Нет, ерунда какая-то! Мозг не воспринимает абстрактные идеи, только числовые данные. Как можно передать страх цифрами? Или мозг ощущает недовольство компьютером на математическом уровне?

При мысли, что в тесной утробе кабины помимо двух разумных существ находится еще кто-то, становилось не по себе.

Кто из присутствующих способен думать и как? ДеГрацца, альтаирец, органический интеллект, компьютер. Куда ни ткни, везде конфликт...

Корабль вдруг резко накренился, хотя никто даже не прикасался к клавиатуре. Еще толчок. ДеГрацца впился взглядом в экран, но не заметил ничего, что вызвало бы отклонение.

— В чем дело? — Проснувшийся альтаирец уставился на компас и схватился за рычаги ручного управления. Показатели быстро пришли в норму.

— Без понятия, — пожал плечами ДеГрацца. — Малыш как с цепи сорвался, но я тут ни при чем.

— Наверное, сбой компьютера, — с плохо скрываемым удовлетворением сообщил гуманоид. — Хорошо еще, не в астероидной зоне.

— Почему обязательно компьютер?! — возмутился ДеГра

